

DOI: 10.46698/VNC.2020.55.53.001

Л.И. АКИМОВА, [А.Г. КИФИШИН],
Москва

**ГРЕКО-НАРТОВСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ:
«ТРОЯНСКАЯ ВОЙНА»¹**

Исследователи нартского эпоса неоднократно отмечали его глубокую архаичность, хотя преобладающее мнение относит его формирование в основном к скифской древности. Серьезные переключки древнегреческих и нартских тем, давно отмеченные на фигурах Полифема, Прометея и Троянского коня, пока не стали предметом широкого исследования. Ж. Дюмезиль, виднейший знаток данной темы, изучая эпос кавказцев с точки зрения структурных схем, разработанных им ранее на других традициях (в частности, древнеримской), практически не упоминал греческую мифологию как явление, близкое нартским сказаниям. Со времен Вс. Миллера их считали независимыми от греческих, тяготеющими к древнеиндийской или иранской культуре, и пока попытки сблизить два круга предпринимались сравнительно редко. В этом плане исключительное значение имеет статья В.И. Абаева «Троянский конь. Кавказские параллели» (1963), где убедительно обоснована мысль, что в сфере мифа и эпоса Греции наиболее близок Кавказ, и что вообще надо думать «о каком-то общем греко-кавказском культурном субстрате» [АБАЕВ 1990: 328]. Насколько нам известно, пока эта проблема не получила должного исследования.

¹ Материал по данной теме собирался с 1970-х годов А.Г. Кишиным; в 1990-е годы мы продолжали работу совместно; затем был интервал, занятый другими исследованиями, а после ухода А.Г. Кишина в 2017 году, по предложению издателей данного альманаха, мне пришлось завершать ее одной. До знакомства с рукописью Анатолия Георгиевича, глубоко изучавшего мифологию шумеров, египтян, индийцев, кельтов и греко-римлян, мои познания в нартведении были чрезвычайно скромными, так что основная идея этой работы целиком принадлежит ему.

В данной статье привлечены лишь наиболее показательные для темы примеры, из важнейших источников; в нашу задачу не входило выявление всех вариантов и модификаций сюжетов.

В настоящей статье представлен опыт анализа греко-нартовских параллелей; первично выделенные на уровне многочисленных мелких тем, они сгруппированы в относительно крупные мифоритуальные блоки, позволяющие провидеть сквозь архаическую структуру нартовских тем чрезвычайно разветвленные (почти до нераспознаваемости исходного ядра) греческие. Публикуется первая часть нашего исследования, сконцентрированная вокруг темы, условно именуемой «Троянской войной». Параллели привлекаются наиболее значимые и в основном из осетинских источников, хотя круг аналогий, безусловно, значительно шире.

1. СТАЛКИВАЮЩИЕСЯ СКАЛЫ

Нартовский вариант: горы-бараны

В нартовском эпосе (осетинском, в частности), неоднократно фигурирует *Межгорье*, заключенное между двумя скалами, регулярно сталкивающимися друг с другом, так что пробраться меж них в *Загорье* простому смертному невозможно. Когда Батраз собрался ехать в это таинственное место к семиглавому уаигу Кандзаргасу, унесшему его предка Уона, служившего там табунщиком или пастухом, конь сказал ему: «Две горы преграждают путь. Эти горы с яростью, как два драчливых барана, все время сталкиваются друг с другом и тут же расходятся» [ОНС 1949: 190; ср.: Памятники 2, 1927: 25; ср. Сказания 1978: 360]. Об исключительном значении именно этого уаига говорит тот факт, что в его пещере находятся две девы — дочь Солнца Хорческа (в изголовье) и дочь Луны Мысырхан (в изножье). «Медленно машут они огромными листьями лопуха, чтобы мухи не тревожили сон уаига» [ОНС 1949: 190-191]. Уаиг 5 месяцев спит, в то время как девы вкушают пищу, затем высасывает через пятки их кровь и 7 месяцев бодрствует; иногда числа меняются: 7 месяцев сна и 5 месяцев бодрствования [Сказания 1978: 349].

Греческий вариант: Симплегады

Аналогичный образ сталкивающихся скал известен в греческой «Одиссее». По выходе из Аида Одиссей возвращается к Кирке, где волшебница наставляет его относительно дальнейшего пути домой: сначала они проплывут мимо острова сирен, затем путь раздвоится — с одной стороны будут Симплегады², с другой — две скалы с чудовищами Скиллой и Харибдой (из

² Там же именуются Планктами, «Бродящими», в других источниках еще и Кианейскими скалами.

двух путей нужно выбрать один), затем волшебный остров Тринакрия, где пасутся священные стада бога солнца Гелиоса, на которых нельзя покушаться во избежание зла. Специально о Симплегадах Гомер говорит (Ном. Od. XII. 59–72; ср. Apoll. Rhod. II. 317–333):

«Прежде увидишь стоящие в море утесы; кругом их
Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазоревоокой;
Имя *бродящих* дано им богами; близ них никакая
Птица не смеет промчатся, ни даже *амброзию* Зевсу
Легким полетом носящие робкие голуби, каждый
Раз пропадает из них там один, об утес разбиваясь;
Каждый раз и Зевес заменяет убитого новым.
Все корабли, к тем скалам подходившие, гибли с пловцами;
Доски одни оставались от них и бездушные трупы,
Шумной волною и пламенным вихрем носимые в море.
Только один, все моря обежавший, *корабль* невредимо
Их миновал — посетитель Эета, прославленный Арго;
Но и его на утесы бы кинуло море, когда б он
Там не прошел, провожаемый Герой, любившей Ясона».

Одиссей выбрал меньшее зло и направился не к Симплегадам, а к Скилле и Харибде.

Параллели

1. У греков образ Симплегад, или Планктов, уже отчетливо ветвится: две скалы, со Скиллой и Харибдой, есть не что иное, как удвоение первичного образа бродящих скал, и неслучайно путь для моряков здесь раздваивается.

2. Нартовские скалы вызывают ассоциацию с объектами-антагонистами, каковыми выступают белый и черный баран: белый связан с миром земным, черный с потусторонним³. У греков эта линия утрачена, и Скилла

³ Девушка наставляет сына Черного Алдара, отыскивающего под землей дочь Хаджи: «Потом в овчарне будут драться белый и черный баран. Ты кинься на них, и если ты схватишь за рога *белого барана*, то очутишься над землей; если же схватишь рога *черного барана*, то очутишься в седьмой подземной стране» [Памятники 3, 1928: 34]. Ср. антитетическую сущность музыки свирели, исходящей из ее белого и черного концов [НКЭ 1957: 259]. Ср. песнь Ацамаза на свадьбе с Агундой [Нарты 2, 1989: 341], под которую горы пляшут:

«Белая гора и Черная гора,
Как два барана, стали биться;
Звери Черной горы и звери Белой горы
Сбежали в низины».

с Харибдой представляются одинаковым злом, ср. поговорку «Между Скиллой и Харибдой».

3. Фигура нартовского уаига соотносится с хранителем годового времени (ср. фигуры дочери Солнца и дочери Луны) — *медведем*, в благодарность которому (не притронувшись к его мясу и крови) смертельно раненный Сослан сделал такое пожелание: «В самое тяжелое зимнее время *пять месяцев* сможешь ты жить в берлоге своей без пищи» [ОНС 1949: 124]. Деление года на 7 и 5 месяцев, сохранившееся, в частности, в русском народном календаре (ср. фигуру Семика в ритуальных песнях Масленицы⁴), сопоставимо с периодами спячки медведя в берлоге [ОНС 1949: 192] и бодрствования. Нартовский белый медведь на Черных горах воплощает бога охоты Афсати [Нарты 1989: 450]. У греков страж Загорья отсутствует, и само оно никак не конкретизируется.

4. Если у нартов мир Загорья или Межгорья — «тот свет», то у греков он только подразумевается (выход в Черное море, за которым — иной мир [RE IV, 1932: 1170, s.v. Symplegades]) и выступает лишь как одно из многих препятствий на морском пути Одиссея домой.

2. ЧУДЕСНОЕ ДРЕВО

В «Одиссее» фактически исчезла мотивировка столкновения скал: они стали просто «бродящими». Можно допустить, что причина столкновения обусловлена необходимостью получения *жертвы* от стремящихся проникнуть в Загорье. Такую жертву приносит сам Зевс, в виде постоянно гибнущего там одного из его посланников-голубей. Голуби из Загорья носят Зевсу *амбросию*, пищу бессмертных богов.

Нартовский вариант: волшебная яблоня

В нартовском эпосе обнаруживаем подобный, но более архаичный сюжет: горы бьются именно из-за этой волшебной пищи [Сказки 1959: 72]: «Удивительные это были горы: они то расходятся, то сходятся. Сходясь, они сталкиваются с такой силой, что вокруг раздавался страшный грохот, и искры сыпались вокруг, и дым поднимался над ними. Горы дрались из-за сказочной пищи — *алутона*. Как только они разошлись, ястреб вскочил

Черная гора разверзлась: «Вышел оттуда на солнце Сайнаг-алдар со своей дочерью, красавицей Агундой», которая никогда не видела света [Нарты 2, 1989: 344].

⁴ Семик, ритуально соотносимый с праздником летнего солнцестояния, примерно на 5 месяцев отстоит от Масленицы, «Семиковой племянницы», завершающей зимние праздники; лунный год делится на 7 и 5 месяцев [Терещенко 1999: 84-101].

между ними, набрал полный клюв алутона и не успели еще горы столкнуться, как он уже выскочил оттуда. Не задерживаясь, ястреб вернулся и пустил в горло юноши живительную пищу. Юноша ожил и стал в семь раз прекраснее прежнего».

В других случаях пища выступает в виде *яблок вечной молодости* или *бессмертия*. По некоторым версиям, волшебное дерево росло как раз между этими горами, и они, соперничая из-за обладания им, постоянно сталкивались.

Волшебная яблоня, растущая в Межгорье или Загорье, имеет свое близкое подобие в самой Нарте. Ее строго охраняют от ночной кражи яблок неизвестными похитителями, вплоть до лишения жизни сторожей.

В сказании «Айсана» [ОНС 1949: 243] герой, добываясь знаков почета от жены Сослана, дочери Солнца, выполняет разные подвиги, в том числе и связанные с яблоней. «С чего мне вставать пред тобой, солнце мое?» — вопрошает дочь Солнца. — «Ведь ты не принес к воротам моим и не посадил возле них то дерево, что от заката до полуночи расцветает, а от полуночи до рассвета плоды на нем созревают. Охраняя его, две горы сшибаются, как бараны, и вновь разбегаются». В результате чудесную яблоню доблестный Айсана перенес в ее двор.

В наиболее полном описании древа о нем говорится [Сказания 1978: 50-51; ср. Нарты 2, 1989: 7 сл.; 12 сл.]:

«Яблоня росла в саду нартов. Небесной лазурью сияли ее цветы, но за день только по одному яблоку созревало на ней. Золотое было то яблоко и, подобно огню, сверкало оно. Живительной силой обладало яблоко, исцеляло людей от всяких болезней и залечивало любые раны. Только от смерти не спасало оно⁵. Целый день зрело яблоко, сверкая на верхушке дерева, но ночью кто-то его похищал. Нарты по очереди стерегли свое яблоко, но никто из них ни разу не видел вора, а яблоко каждую ночь исчезало.

Пришел черед сторожить сад Уархагу. Призвал он своих сыновей Ахсара и Ахсартага и сказал им:

— Идите, солнышки мои, постерегите золотое яблоко. Вся надежда моя на вас. Если не устережете, то знайте — все три нартовских рода соберутся сюда. По одному человеку от каждого дома пришлют они; одному из вас *отрубят голову*, другому *отсекут руку* и, на позор мне, наденут на колья голову одного и руку другого» ...⁶

⁵ В исходной версии яблоко как раз спасало от смерти [ср. о яблоне Борафарнуга: Нарты 2, 1989: 13] и болезней, в частности, бесплодия [Нарты 2, 1989: 428], и вообще: «Жизнь [нартов] зависела от одного дерева...» [Нарты 2, 1989: 7].

⁶ Здесь и далее в цитированных фрагментах текстов сокращения даны троеточием, выделения курсивом наши.

Не спит Ахсартаг, сидит под яблоней, держит наготове лук и стрелу. И в час, когда ночь сменяется днем, словно птица какая-то прилетела в сад.

Осветилась внезапно яблоня, и увидел Ахсартаг голубку возле чудесного яблока. И только сорвала она яблоко, как пустил стрелу Ахсартаг, и половина крыла голубки упала на землю, сама она, обливаясь кровью, неровно и низко полетела над землей, а яблоко упало на землю». ...

Проследив ее путь, они подошли к берегу моря. Ахсартаг сказал брату:

«Я иду на дно морское. Жди меня здесь».

В другом тексте яблоня растет во дворе Багодза — единственного выжившего нарта из рода Ахсартакката, уничтоженного Боряевыми [Памятники 2, 1927: 3 сл.]. Уже сто голов были насажены на колья вокруг нее, когда пришла очередь сторожить Ахсару и Ахсартагу. Похитительницей оказалась морская царевна Дзерасса, превращавшаяся в голубку и раненная Ахсартагом, который ее излечил и на ней женился. «Мать нартов» родила от него двух главных героев эпоса — близнецов Урызмага и Хамыца, а затем, от бога Уастырджи, и ставшую женой Урызмага Сатану.

Греческий вариант: древо Гесперид

Греческое волшебное древо с плодами бессмертия тоже мыслились в ином мире, *за горами* — «за горой, где обитает Борей»; кстати, и сам Атлант, хранитель яблок, иногда представлялся *горой* [RE IV, 1896: 1243, s.v. Atlas]. Иной мир находится *за морем*: Геракл плывет туда на ладье Гелиоса, выступая в архаичной функции солнечного бога [LIMC V, 1990: HERAKLES 2550, 2552]. Хранят яблоки, как и в нартовском мифе, не только чудовище (змея Ладон — Hes. Theog. 333-335; Apld. II. 5. 11; Apoll. Rhod. IV. 1397), но и «вечерние девы» Геспериды, дочери Ночи, световые божества. О яблоках Гесперид Аполлодор (в мифах о Геракле) сообщает [Apld. II. 5. 11]:

«Эти яблоки находились не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гиперборейцы. Гея подарила их Зевсу, когда тот женился на Гере. Эти яблоки охранял бессмертный дракон, сын Тифона и Ехидны, у которого было сто голов: он способен был издавать самые разнообразные голоса. Вместе с ним охраняли яблоки девы Геспериды — Айгла, Эритея, Гестия, Аретуса. ... После того как он [Геракл] пересек Ливию, он прибыл к внешнему морю, где взял у Гелиоса его кубок. Переправившись на противоположный материк, он на Кавказе застрелил из лука орла, клевавшего печень у Прометея: этот орел был порождением Ехидны и Тифона. ... Когда же Геракл пришел к гиперборейцам, где находился Атлант, ... сам их срезал, убив сторожившего их дракона. Принеся яблоки в Микены, Геракл

отдал их Эврисфею, а тот в свою очередь подарил их Гераклу. Взяв эти яблоки от Геракла, Афина вновь унесла их обратно: было бы нечестием, если бы эти яблоки находились в другом месте».

Параллели

1. Сорванный с дерева плод имеет *брачный контекст*. У греков его дарит Гея Зевсу на свадьбе его с Герой. Волшебное дерево у нартов связано с *уаигом-медведем*, зооморфным стражем его, судя по отражению как в упомянутом эпизоде с Кандзаргасом, так и в осетинских сказках, как, например, «Сын медведя» [Сказки 1959: 84]. Там яблоню заменяет растущая посреди поля груша, плоды с которой срывали отец с дочерью, а потом одна только дочь: ее схватил медведь и унес в свое логово, где у них родился сын.

2. Не случайно при нартовском древе часто упоминается не менее чудесное *молочное озеро* [ОНС 1949: 192; Сказки 1959: 204; Нарты 2, 1989: 267-268], тоже дающее людям молодость, здоровье или вечную жизнь. Девушки из Загорья сообщают Батразу, разыскивающему своего деда Она: «вон в расщелине горы есть молочное озеро»; «тот, кто выкупается в нем, превращается в прежнего молодого человека» [Памятники 2, 1927: 27]. В молочном озере купают престарелого Она, а затем и его потомка Хамица [Памятники 2, 1927: 27]. Их тут же *женят* на молодых девушках, пленницах Кандзаргаса, — Хорческе и Мысырхан.

3. Нартовскую яблоню может заменять также живущая «по ту сторону гор», бьющихся лбами, как бараны, *бронзовая девушка медной башни*, многочисленные женихи которой обречены на смерть [Сказки 1959: 193 сл., 196], или «богом сотворенная девушка», которую добывает Батраз [Нарты 2, 1989: 261].

4. Память о нартовской яблоне сохраняется в свадебном дереве осетин — так, обряд снятия с невесты фаты может проходить у плодового дерева [Газданова 2007: 322]; с ней соотносится образ (но не функция) свадебного флага [Абаева 2013: 99]. То же наблюдается и у других народов Кавказа, в частности у дагестанцев [Гаджиева 1986: 20; Алиева 1986: 37], где дерево присутствует и в погребальном обряде [Алиева 1986: 37]⁷.

5. Роль нартовской яблони у греков играет и *священная олива* Афины, растущая на афинском Акрополе: из ее плодов выжимают масло, которое на празднике Великие Панафинеи в честь богини Афины получали победители

⁷ Фруктовое деревце из яблоневых веток ставят для умерших до брака молодых людей. Ср. желание вдовы, «матери нартов», видеть в изголовье покойных, мужа и его брата, золотую яблоню [Нарты 2, 1989: 17].

в гимнических состязаниях [Pind. Nem. X. 33-36; Arist. Ath. Pol. 60. 3] — в определенном смысле тоже «женихи» богини. Олива победила источник Посейдона в мифе о споре двух богов за обладание Аттикой (Hdt. VIII. 55; Paus. I. 26. 5; Paus. I. 24. 3). Этот «спор» есть вариант «столкновения» двух гор из-за обладания яблоней. На деле же *источник* представляет хаотический водный прамир, а *олива* — выросшее из него и уже «космическое» Мировое дерево. Их аналог — нартовская волшебная яблоня с молочным озером и «бронзовой девушкой» / «богом сотворенной девушкой» (=Афиной).

6. В нартовском мифе очевидно расщепление изначально единой Мировой горы на две, Белую и Черную, и их соперничество-сталкивание означает не что иное, как космогоническое *разделение первоматерии* на две части — женскую и мужскую, нижнюю и верхнюю, лунную и солнечную. Первично более сильной была Черная гора (значимый образ в нартовских мифах⁸), связанная с водным хаосом. У нартов ритуал космогенеза отражен в истории появления человеческого рода: женская половина праматерии (Дзерасса) отделяет от себя мужскую, *близнецов* патриархального ритуала (Ахсар и Ахсартаг), приносит ее в жертву [Нарты 2, 1989: 7, 13, 16 и др.]; остается жить только *женщина* (Владычица вод), также рождающая сыновей-близнецов (Урызмага и Хамыца).

7. Дерево между двух гор представляет изначально *Мировое дерево*, порожденное хаотическими водами. Знаком сотворения мира обычно является суша, земля, возникающий на дне моря холм — *Мировая гора*. Мировое дерево и Мировая гора часто выступают синонимами, но уже в шумерском искусстве заметна тенденция произведения Мирового дерева из Мировой горы [ср. FRANKFORT 1939: Pl. IV.j (период Урука); Pl. XVII.h (Аккадский период) и др.]. Обычно оно ее венчает, знаменуя космическое состояние бытия. В нартовских сказаниях яблоня — *дерево центра*: «Посреди трех селений *Нартов* у Бора был сад» [Нарты 2, 1989: 20]. У греков дополнительным знаком космогенеза является *прекращение движения* скал (Кианейских) после прохождения через них Арго [Hdt. IV. 85], как после правильного ответа Эдипа на загадку Сфинги, та бросилась вниз со скалы [Apld. III. 5. 8].

8. Дерево с плодами бессмертия исходно мыслится в *подводном саду* *Владычицы*, отвечающей за воспроизводство жизни. У греков яблоня Гесперид произрастает «на краю Океана», в нартовских мифах яблоня отчетливо связана с «морским дном» Донбеттыров, к которым принадлежит похитительница яблок, е.г. их исконная владелица.

⁸ Уже упоминался (прим. 3) выход из Черной горы Агунды — греческой Персефоны [Сказания 1978: 344, 377 сл.]. Ср. также ритуальные образы: Черное море, Черный утес над крепостью Хиза [Сказания 1978: 193], черный лес, черная лисица, черный уаиг с Черной горы, черное железо, черный орел, черные ногайцы, черный джигит (медведь) и др.

9. У греков оливу опекали три богини-росы — Аглавра, Пандроса и Герса, дочери одного из первых царей Аттики Кекропса [RE Hbhd 21, 1921: 119 sq., s.v. Kekrops], имевшего змеиный хвост [Eurip. Ion. 1164], наследие *водного генезиса*. Они богини-росы, и их собственная *водная природа* говорит, что и их древо некогда мыслилось росшим в подводном саду. Охраняющий яблоню змей или дракон — «животная форма» самой водной Владычицы, которая и в нартовских мифах, и у греков, вследствие патриархальной редакции, превратилась в мужского стража — уаига, «черного зверя», «змея Ладона», или уже вполне цивилизованного Атланта. Однако сохраняются и старые женские формы его — в виде лунной и солнечной дев в нартовском мифе и дев-Гесперид в греческом [см. иконографию: LIMC V, 1990: HERAKLES 2695-2785].

10. В нартовском мифе морская царевна чаще всего именуется Дзерассой, у греков это разветвившаяся серия поздних богинь: Гея-Гера-Афина. У нартов плод дает Ахсартаг самой раненой Дзерассе, и их брак возрождает угасавший род Ахсартаггата. У греков яблоко совершает странный, лабиринтный путь: от Геи — через Геракла-Атланта — Эврисфея — к Афине, а от Афины, надо думать, опять к Гее, открывшей процесс дарения яблока. Отсюда ясно, что хозяйка древа — *Владычица вод*, ответственная за смерть-рождение всего сущего, и яблоко она дарит своему *брачному партнеру* (Гея/Гера — Зевсу, Афина — Гераклу) в знак его возрождения (перевернутый нартовский миф с Дзерассой объясняется патриархальной редакцией). Плодовое дерево представляет ее плодоносящую силу, что подтверждается рядом примеров, из которых здесь избраны два.

а) В нартовском сказании об Уастырджи, в сюжете спора двух женихов из-за невесты, бог говорит: «Сделаю вам еще такой суд: в степи есть единственное *яблоневое дерево*; пусть оба молодые поедут туда и привезут из него по одной веточке, посадят их передо мной на фынге, треножном маленьком столике, и чья веточка зацветет, тот и останется настоящим женихом...» [Нарты 2, 1989: 320]. В аналогичном сюжете бог сватает юношгероя на деве, у которой уже есть обычный жених, и, руководя свадебным обрядом, патронирует своего подопечного. В третьем и последнем испытании двух женихов истинный (представленный богом) и обычный получают каждый по половине яблока. У первого из его части утром рождается плодоносящая яблоня, половина второго — сгорает [Сказки 1971: 277–278; ср. ППКОО 1981: 252–254; Миллер 1, 1881: 156–157].

б) В греческом мифе об Аталанте и Гиппомене (Hug. Fab. 185; Apld. III. 9. 2) яблоки получает *невеста от жениха* во время брачных ритуальных состязаний, в соответствии с поздней патриархальной редакцией мифа (но, парадоксально, сам он получает яблоки *от Афродиты*, с древа

Гесперид). Амазонская суть Аталанты, «выброшенной царевны» [RE II, 1896: 1891, s.v. Atalante], близкой по смыслу образам нартовских богатырш, выявляет в ней представительницу Артемиды, богини-медведицы (ср. Ael. Var. hist. XIII. 1; Apld. III. 9. 2), возможно, некогда хозяйки волшебного древа⁹.

3. БРАЧНЫЙ СУД

Греческий вариант: суд Париса

Золотое яблоко присутствует на пышной свадьбе Пелея и Фетиды, проходившей в пещере кентавра Хирона [RE Hbhd. XI. 1936: 209–211, s.v. Thetis]. Оно было брошено богиней раздора Эридой, которую не пригласили на праздничный пир. Надпись на яблоке «Прекраснейшей» возбудила спор о красоте между тремя богинями [Apld. Epit. III. 1–2]: «(1). Как говорят некоторые, это случилось по воле Зевса, желавшего, чтобы его дочь [Елена] прославилась, вызвав войну между Азией и Европой. Другие же говорят, что это было сделано Зевсом с целью возвеличить род полубогов. (2). По той или иной причине Эрида бросила Гере, Афине и Афродите яблоко, являвшееся наградой за красоту, и Зевс приказал Гермесу привести богинь на гору Иду к Александру, чтобы тот их рассудил. Богини стали предлагать Александру дары. Гера сказала, что, если ей будет отдано предпочтение перед остальными, она предоставит Александру власть над всеми людьми, Афина обещала ему победу на войне, а Афродита — супружество Елены. Александр отдал предпочтение Афродите и отплыл в Спарту на корабле, изготовленном Фереклем».

За похищением, как известно, последовала Троянская война.

Примечателен образ судьи — Александра/Париса, вскормленного на Иде *медведицей* [DICTYS 8; Apld. III. 12. 5]. Он — типичный царевич патриархального мира, «выброшенный ребенок». Еще до появления на свет его

⁹ В этой связи обращает на себя внимание один из двух хранящихся в Государственном Эрмитаже серебряных сосудов с чеканкой из Майкопского кургана (Адыгея) [ФАРМАКОВСКИЙ 1914: 59 сл.; АНФИМОВ 1988: 21, 28–30], датируемых ныне IV тыс. до н.э. [АНДРЕЕВА 1979: 22–34]. На его венчике, в верхнем ярусе космоса, представлен медведь между двух гор, срывающий плод с дерева. Насколько нам известно, сцена, у которой имеется ранняя аналогия на шумерском рельефном стеатитовом сосуде из Хафаджи, нач. III тыс. до н.э. [ТОПОРОВ 1987: 443], до сих пор никем убедительно не интерпретирована и, если ее ранняя дата подтвердится историками искусства, станет беспрецедентным иконографическим феноменом, связанным с Кавказом.

матери Гекабе приснился вещий сон, в котором новорожденный явился в виде горящего факела, грозящего сжечь Троию [Apld. III. 12. 5; Hug. Fab. 91; Tzetz. Лук. 86]. Чтобы отвести беду, его оставили на горе Ида среди зверей и пастухов. Став сам пастухом, Парис преуспел в своем деле, устраивал эффектные бои быков, где его бык всегда побеждал, и пленил богов своей красотой и справедливостью [Грейвс 1992: 470 (159.h)]. Случилось так, что Парис одержал в устраиваемых Приамом состязаниях первенство, и открылась их родственная связь. Царевич был принят в Трое, и его статус даже превосходил в некоторых отношениях положение других сыновей царя.

Нартовский вариант: суд Кызмыды

Греческим «судам красоты» у нартов соответствуют «суды превосходства», «суды отваги», «суды дележа имущества» и прочие многочисленные суды, которых не меньше, чем в греческой традиции. Одна из наиболее выразительных версий представляет «суд старшинства» между Урызмагом и Хамыцем, связанный с темой *брака* [Сказания 1978: 291]: «Известно, что близнецами были сыновья Дзерассы — Урызмаг и Хамыц. Но кто из них старший и кто младший, никто не мог сказать, и сами они об этом не знали. Из-за этого, хотя уже во цвете лет были Урызмаг и Хамыц, семьей никто из них не обзаводился, так как ни один из братьев не хотел жениться через голову другого, боясь, что другой, если он окажется старше, затянет в душе обиду. ... Тогда Урызмаг и Хамыц решили пойти к *сестре своего отца* в Фаснарт и спросить ее: уж она-то должна знать, кто из них старше, кто моложе».

Кызмыда признала младшим Хамыца, на том основании, что он ехал слева и к тому же вез поклажу.

«Рассердился нарт Хамыц и проклял свою тетку:

— Раз так, то *превратись в серого осла!*

Женщина умоляла не делать этого, и Хамыц согласился.

«А Кызмыда, избавившись от страшного позора, который ей угрожал, вынесла Хамыцу *зуб Аркыза* и сказала ему:

— Прими мой подарок, дитя мое! Ты избавил меня от позора, вот и дарю я тебе этот зуб. От древнейших предков наших остался всего-навсего этот вот зуб. *Раньше был он во рту у женщин, а потом попал к мужчинам* и никогда никого не обманывал, честно исполнял каждое желание. Не может этот зуб потеряться. Куда бы ты ни выбросил его, где бы он у тебя ни пропал, обязательно он найдется. Так вот и переходит из рук в руки, от одного поколения к другому, из века в век, из рода в род».

Расширенная версия события представлена в изданном Вс. Миллером осетинском сказании «Хамыц, Созрыко и Урызмаг» [Миллер 1, 1881: 37–41]. Действие на сей раз происходит «в городе Тынте»: Созрыко явно третий-лишний, а судит братьев *старшая сестра*.

Здесь важное уточнение получает иное, но тоже неосуществленное проклятие Хамыца: «Хамыц рассердился и сказал: «за то, что ты лживо говоришь, *пусть на тебя вскочит бурый осел Бораевых*, так как я не младший». (Когда раз прокляли Бораевским ослом, то Бораевский осел уже непременно наскакивал и с радостным ржанием прибежал). И сказала Хамыцу сестра: «Будь милостив, не напускай осла, и я тебе дам, что ты любишь». — «Дай мне Аркызов зуб!» — сказал Хамыц. Она дала ему Аркызов зуб и вставила его между зубов. Аркызов зуб был на то хорош, что если полюбишь какую-нибудь женщину, и она не склоняется, то, если покажешь ей Аркызов зуб, она за ним пойдет, и, если мужчина не склоняется (к ней), то женщина превратится *в змею*. Когда Хамыц взял этот зуб, он за это не напустил на нее осла».

Таким образом, Аркызов зуб выступает аналогом брачного яблока как греков, так и нартов, и является специфически-нартовской его разновидностью.

Параллели

1. В греческом мифе суд вызван богиней вражды Эридой. За ее образом скрыта фигура униженной невесты Фетиды, морской Владычицы: ибо кто может быть прекраснее невесты на ее собственной свадьбе? Возможно, с Фетидой слился образ еще одной забытой — Артемиды, древней *богини-медведицы*, которая взращивала Париса-Александра на горе Ида для этого суда. Артемида молода и прекрасна, и не уступает другой олимпийской деве — Афине. Но ее имя отсутствует в списке претенденток на титул [Акимова 1996: 262].

2. Нартовская параллель Эриде не связана с брачным судом, но она существует, с аналогичным исходом. Ахсартаггата, тайно убившие мальчика из рода Бората, устроили для них пир, обойдя Сырдона: «Да забудет тебя, Сырдон, чума! Мы забыли пригласить тебя на пир Ахсартаггата» [Нарты 2, 1989: 366 сл.]. Сырдон сказал, что не любит бывать на *кровных угощениях*, выдав тем самым факт убийства ребенка и ввергнув враждовавшие и готовые было примириться кланы в новый виток братоубийственной войны.

3. У греков и нартов судятся то двое, то трое, то даже целое множество (ср. у нартов: [Нарты 2, 1989: 73 сл.]). На суде Париса участвуют три

богини, образы которых сворачиваются в фигуру *матери-девы*¹⁰. На суде Кызмыды или Уадхезы — двое-трое мужчин. Это результат ветвления фигуры единственной персоны — *умершего на загробном суде* как развития образа *сына-супруга*, возрождаемого Матерью-девой в хаотических водах прамира.

4. Нартовский миф представляет древнюю версию события, где богиней-судьей выступает *женщина* — «сестра отца» или «старшая сестра», а тяжущимися — молодые мужи, неженатые юноши. Греческий миф, напротив, представляет более новый, патриархальный вариант: *молодой человек* судит трех богинь-женщин.

5. Подобный суд с выдаваемой бессмертной наградой (яблоком или зубом Аркыза) предполагает ритуальный *брак судьи с подсудимым*, и он осуществляется. Парис/Александр получает Елену, земную копию Афродиты, а Хамыц — «старшую сестру». Важно, что его суд проходит в *брачном покое* (в «спальне»), как бы в материнском лоне, в месте зачатия жизни. Хотя в нартовском мифе брачная линия затушевана, ее эксплицирует виртуальное присутствие Бораевского *осла* (зооморфной проекции Хамыца) — древний образ солнца и мужской плодотворяющей силы (ср. Хамыц: «пусть тебя огуляет серый осел Бората!») [Нарты 2, 1989: 275]; браки между братом и сестрой в нартовском эпосе известны — хотя бы на примере Урызмага и Сатаны. Причем этот брак получает «космический» смысл и признание в социуме после того, как Урызмаг и Сатана проезжают по Нарте на *осле*, спинами друг к другу, головами в разные стороны [Нарты 2, 1989: 37]. Осел с людьми здесь выступает как прапредок, хаотическая праматерия, которая зримо *разделяется* на две половины; в позднейших версиях ездит *задом наперед* уже один Урызмаг [Нарты 2, 1989: 25, 31; ОНС 1949: 30-31].

Сама «старшая сестра», в *pendant* к *ослу*-Хамыцу, подразумевает темную форму *змеи*, о чем в тексте говорится в связи уже с другой, бытовой ситуацией. Змеиная форма косвенно проявлялась у греков: Афина едет на Суд Париса на повозке, запряженной змеями [LIMC II, 1984: Athena 411]. Иконографически ей близка Медея [LIMC VI, 1991: Medeia 35–63], богиня-волшебница, внучка солнца, локализованная древними мифами на Кавказе. Связанное с ней Золотое руно — поздний, модифицированный образ все того же яблока бессмертия; оно висит в роще Ээта на дубе Ареса и охраняется драконом. Медея — еще одна Владычица вод и хозяйка волшебного дерева в подводном саду [см. о подводных садах: Кифишин 2012: 93 сл.].

¹⁰ Формально присутствуют две матери — Гера, родившая Гефеста без мужа, и Афродита, родившая Эрота в парфеногенезе; дева здесь вроде бы только Афина. В действительности и Афина была «девственной матерью», о чем говорит миф об Эрихтонии [Apld. III. 14. 6].

6. У греков «сын» отдает предпочтение древнейшей Владычице вод Афродите (ранее такая Владычица сама судила своих «сыновей»), брак Париса-Александра с Еленой сохраняет старую структуру с новой доминантой мужской инициативы. В нартовском мифе «старшая сестра» или «сестра отца» отдает предпочтение «сыну», но именно здесь заключается фундаментальный поворот ритуала в новую сторону: «сын» путем шантажа утверждает себя как «отец», в духе новой патриархальной традиции. Кызмыда дарит Хамыцу зуб Аркыза как залог его спасения в браке, но Хамыц, присваивая дар навсегда, сам теперь становится праотцем, *прародителем*, отбирая у женщин право на продолжение рода.

«Пожелания и проклятия нартов всегда сбывались. И вот сестра пожелала Хамыцу такое благо, [чтобы] каждая девушка, выходящая замуж, в первую ночь принадлежала Хамыцу. И начиная с этого времени *Хамыц каждую ночь посещал молодых невест*» [Нарты 2, 1989: 11].

7. Зуб Аркыза, таким образом, является патриархальным вариантом древнего материнского яблока. Примечательно, что прежде Зуб «работал» на женщин, и только Хамыц угрозами в адрес Кызмыды повернул ритуал в отцовскую сторону: зуб перешел от женщин к мужчинам.

8. В отличие от более традиционного яблока, Аркызов зуб проявляет древнюю природу. Он находится во рту и причастен к *пищеварению* как архаической форме ритуального брака между судьей и подсудимым — жрецом и жертвой. Более древняя метафора брака — *поедание* жертвы жрецом, что сохранилось в нартовских мифах на уровне чудищ и богатырш, а в связанных с Кавказом мифах о Медее — через субстантивированный образ *варения в котле* как варианта брака-возрождения в форме омоложения. Медея успешно варит старого барана, превращая его в ягненка [LIMC VII, 1994: Peliades 4–16], а также старого Эсона, отца своего мужа Ясона [Ovid. Met. VII. 159 sq.; RE I, 1984: 1087, s.v. Aison], но коварно уничтожает злокозненного Пелия — руками его доверчивых дочерей [Paus. VIII. 11. 2; Ovid. Met. VII. 297 sq.; LIMC VII, 1994: Peliades 19–21].

4. НЕРАВНЫЙ БРАК

Суд Париса/Александра и Суд Кызмыды или Уадхезы привел к двум странным, необычным бракам, последствия которых оказали решающее воздействие на дальнейший жизненный процесс как в Элладе, так и в Нарте.

Греческий вариант: свадьба Пелея и Фетиды

Фетида — в фессалийских мифах дочь морского бога Нерея, «среброногая» и могучая *богиня-рыба* или иное морское существо, в ряде версий *тюлень* [RE Hbbd. 1, 1936: 210, s.v. Thetis]¹¹. Зевс и Посейдон спорили за обладание ею, но было пророчество (Прометей или Фемиды), что в браке с ними родится сын, который превысит мощью отца и ниспровергнет олимпийский порядок [Pind. Isthm. VIII. 26 sq.; Apoll. Rh. IV. 800 sq.; Apld. III. 13. 5]. Испугавшись, боги выдали ее за смертного мужа Пелея. Его отец Эак был сыном Зевса и дочери речного бога Асопа Эгины, рожденным на острове Ойноне или Ойнопии. Из-за напущенных Герой змей источники пересохли, и все население вымерло. «Так как он был единственным человеком на этом острове, Зевс превратил для него муравьев в людей» [Apld. III. 12. 6; ср. Ovid. Met. VII. 635 sq.; Hyg. Fab. 52]. Эти муравьи после молитвы Эака стали сползать с дуба, выросшего из желудя, взятого от священного дуба в Додоне. Однако сведения о том, что «Эак женился на Эндейде, дочери Скирона, от которой у него родились Пелей и Теламон» и что «Эак сошелся с Псаматой, дочерью Нерея, которая, пытаясь избежать его объятий, превратилась в тюленя, и породил сына Фока (Тюленя)» [Apld. III. 12. 6, ср. Hes. Theog. 1004; Pind. Nem. V. 13, Schol.], подтверждают и в этом случае прочную связь *муравьев с морской стихией*: все три жены Эака были *водными богинями*. Эак и стал во главе «муравьиного племени» — мирмидонцев. Ему пришлось изгнать с острова своих сыновей Пелея с Теламоном, из зависти убивших сводного брата Фока. «Благочестивейший из смертных», Эак стал загробным судьей и хранителем ключей от Аида [Apld. III. 12. 6].

Пелей не мог овладеть могучей богиней, и на помощь ему пришел кентавр Хирон, объяснивший, как можно схватить Фетиду (по поздним данным — его дочь [Schol. Apoll. Rhod. IV. 816]) в ее гроте, где она имела обыкновение отдыхать, ибо она обладала способностью превращаться в разные формы: огонь, воду, льва, пантеру и т.д. [Apld. III. 13. 5]¹². Наконец Пелей с невестой справился, и сыграли свадьбу — то ли на берегу Сепии, на фессалийском полуострове Магнезия, в материнском доме Фетидейоне, то ли в пещере Хирона на горе Пелион в Фессалии, где присутствовали *все*

¹¹ Согласно одному из мифов, Фетида уже после Троянской войны, превратившись в тюленя, отомстила Елене за гибель сына, убив ее ударом хвоста [Phot. Bibl. 1496. P. 189, 15 Westerm.].

¹² См. обширную иконографию на примере чернофигурных греческих ваз [LIMC VII, 1994: PELEUS 70-195; LIMC VIII, 1997: THETIS 12, 13, 16, 20].

боги [Eurip. Iph. A. 700 sq.; Schol. Lyk. 170; Apld. III. 13. 5]¹³. Они богато одарили молодых: помимо общего дара в виде золоченых доспехов, Посейдон подарил бессмертных говорящих коней Балия и Ксанфа, кентавр Хирон — не знавшее промаха ясеневое копьё. Позднее божественные вещи перейдут к сыну Пелея Ахиллу и примут участие в Троянской войне.

«**Маленький мальчик**» — Ахилл. Брак могучей богини и смертного не был счастливым и вскоре распался. Фетида покинула мужа и ушла в водную глубь [Apld. III. 13. 6]: «Когда Фетида родила дитя от Пелея, она, желая сделать его бессмертным, тайно от Пелея укладывала его ночью на огонь, чтобы выжечь в нем все смертное, которое было в нем от отца, днем же обтирала его амвросией. Пелей подстерег ее за этим занятием и, увидев, как его сын корчится на огне, громко закричал¹⁴. Тогда Фетида, не имея возможности довести начатое до конца, покинула своего младенца и вернулась к nereидам». Следствием ее ухода стала уязвимость ребенка: «У Ахилла осталась незакаленной *пята*, которую Пелей заменил сделанной из слоновой кости». Пелей отнес мальчика на воспитание Хирону [Hom. II. XI. 831, Schol.], который кормил его внутренностями львов и диких кабанов и костным мозгом медведей; он обучил его целительству, охоте, игре на лире. Хирон же «назвал мальчика *Ахиллесом* (*Беззубым*, прежде его имя было Лигирон. — Л.А., А.К.), потому, что он не прижимал свои губы к груди кормилицы» [Apld. III. 13. 6; Tzetz. Lyk. 178].

Фактическим воспитателем Пелея, таким образом, стал Хирон — бессмертный кентавр, сын Кроноса и нимфы Фириры (липы), сводный брат Зевса, Посейдона и Аида [RE Hbbd. VI, 1899: 2302, s.v. Chiron]. В связанной с Пелеем истории Хирон обитает на горе Пелион, но, как и прочие кентавры, он связан с *водным миром*. Не случайно именно он указал Пелею способ овладения морской богиней; известно также, что спас кентавров от истребления Гераклом в Элевсине, *скрыв их в горе*, не кто иной, как Посейдон [Apld. II. 5. 4]¹⁵, считавшийся некоторыми отцом

¹³ Тема ярко отражена в греческой чернофигурной вазописи, в том числе на знаменитой Вазе Франсуа во Флоренции, ок. 560 до н.э. [FURTWÄNGLER, REICHOLD I, 1904: Taf. 1-2]. Другой, вторичный и без иконографии, случай присутствия *всех богов* на земном бракосочетании — свадьба Кадма и Гармонии в Фивах [Pind. Pyth. III. 88 sq.; Eurip. Phoen. 822; Apld. III. 4. 2].

¹⁴ По другим данным, Фетида еще прежде убила таким образом 6 младенцев-сыновою [RE I, 1894: 225, s.v. Achilleus; RE Hbbd. XI, 1936: 215, s.v. Thetis]. Ср. иконографию [LIMC I, 1981: Achilleus 2–16]. Ср. нартовских эмегенш, которые проглатывают своих новорожденных младенцев [Нарты 1994: 433].

¹⁵ Посейдон же угрожал феакийцам за то, что проводили корабль Одиссея: «И горою великой задвину их город» [Hom. Od. XIII. 152], что они пытались отвлечь жертвоприношением [Hom. Od. XIII. 181 sq.]. Ср. конец нартов: «Бог накрыл их горой Уаз» [Нарты 2, 1989: 486].

Хирона [Schol. II. IV. 219]. Сам же Хирон, страдая от случайно нанесенной Гераклом неизлечимой раны, добровольно отдал свое бессмертие Прометею [Aesch. Prom. 1026 sq.].

Нартовский вариант: женитьба Хамыца на Биценон

В нартовском эпосе сюжет «неравного брака» связан с Хамыцем и морской богиней Биценон (с вариантами имени; иногда безымянная).

Встреча на охоте с эльфом. Как-то Хамыц, в голодное для нартов время, вышел на охоту за козлом или белым оленем [НС.ОНЭ 1949: 245; ОНС 2010: 228], где встретился с необычным охотником, добывшим не только этого оленя, но и много другой дичи, щедро наградив его незадачливого спутника. Охотник был карликом: «...нет, мальчик не мальчик, / А малыш-коротыш, с мальчика росточком» [НС.ОНЭ 1949: 246]. У этого храброго коротышки имелась единственная сестра, на которой Хамыц решил жениться, и услышал в ответ предупреждение [НС.ОНЭ 1949: 250; ср. ОНС 2010: 232]:

«И нам бы с нартами хорошо породниться.
Есть сестра у меня, за тебя б выдали,
Да только этому одно препятствие:
Все мы телом сильны и полны отваги,
Но очень, ты видишь, некрупной породы:
Вышиной — две пяди, полторы — шириною.
А нарты, известно, злые насмешники, —
Мы же погибам, чахнем от злословья,
Боюсь, не сумеешь уберечь ты сестру.
— Лишь отдайте в жены, уберечь ручаюсь».

В назначенный день состоялось свидание. Путь к местообитанию невесты оказался непростым [НС.ОНЭ 1949: 251; ОНС 2010: 232–233]:

«...Когда же выведу из темного леса,
То все время *ногу волочить я буду,*
Вот и останется борозда за мною,
Приведет борозда к *муравьиной куче,* —
А под той кучей найдешь ты наш хадзар».

Царевна-лягушка. Невеста оказалась маленькой и безобразной девушкой или, по иным версиям, *лягушкой* [Сказания 1978: 299; ср. Нарты 2, 1989: 221 сл.]: «Сослан был дружкой жениха. Тогда подвели Сослана к постели, подняли тюфяк и показали Сослану на лягушку, которая сидела под тюфяком. — «Вот ваша невестка, — сказали ему!» В другом варианте: «Вот

это тебе наша сестра», сказал коротыш Улинка: «мать наша оберегает ее от лучей солнца... и холода земли» [Памятники 2, 1927: 20]. Эта мать берет клятву с Хамыца: «чтобы ее у тебя не увидел и не узнал никто из земных людей. В тот день, когда про нее узнают нарты, ты должен будешь доставить ее обратно в мои руки» [Памятники 2, 1927: 21; ср. Нарты 2, 1989: 226].

В еще одном случае ее брат предупреждает Хамыца: «если кто-нибудь сделает ей упрек, то она *себя убьет*, или же ее надо будет отвести туда, откуда ты ее взял» [ОНС 1949: 153; ср.: Нарты 2, 1989: 221].

Ночью жена скинула кожу и оказалась красавицей, к тому же очень мастеровитой, всю ночь кроила и шила и сказала мужу: «*Никогда не иссякнет и не растратится то, к чему прикоснулась я*» [ОНС 1949: 154]. Хамыц носил ее в кармане и не расставался с ней, пока его не высмеял на ныхасе Сырдон: «О нарты, да погибнет лучший из нас! ... Хороши старшие — жен в карманах носят!» Или же Сырдон оскорбил женщину, увидев ее на башне: «Эй, проклятая, эй, курва!...» [Миллер 1, 1881: 17; ср. Нарты 2, 1989: 221]. Хамыц отнес ее туда, где была *муравьиная куча*, куда-то под землю: «земля, точно дверь, разверзлась» [ср. Нарты 2, 1989: 226], вероятно, в болотную или *водную среду*. По другому мифу, жена Хамыца могла жить только накрывшись оболочкой *морской черепахи*; Сырдон, «коварство неба и хитрость земли», сжег ее кожу [Нарты 2, 1989: 306].

«**Маленький мальчик**» — **Батраз**. Прежде чем покинуть мужа, Биценон объявила ему [НС.ОНЭ 1949: 256; ср. ОНС 2010: 237–238; Нарты 2, 1989: 222, 224, 227 и др.]:

«А теперь послушай, что тебе открою:
От тебя недавно зачала я мальчика.
Родила бы его, грудью бы вскормила, –
Тогда не сыскать бы ему подобного,
И стрелой не пронзить, и мечом не сразить!
Да что тут поделывать, не вышло по-моему.
Повернись-ка, Хамыц, подставь свою спину,
Я вдохну зародыш тебе меж лопаток,
Будешь вместо меня зародыш ты растить».

Вдыхание плода Хамыцу, по одной архаической версии, произошло в то время, когда он переносил жену на плече *через реку* [Нарты 2, 1989: 227], т.е. метафорически еще в самой водной среде. Она сказала: «Хотя мы *вместе не спали*, но у тебя будет чудесный сын»¹⁶.

¹⁶ Ср.: Созырыко, отдавший по клятве свою жену Агунду, дочь Солнца, Челахсартону, раскаивается и идет отвоевывать ее со словами: «С любимой *не успел и ночи провести...*» [Нарты 2, 1989: 113].

В должное время Шатана помогла родиться ребенку. Мать завещала Хамыцу вернуть его *в водный мир*: «Из него (волдыря на спине. — Л.А., А.К.) [выйдет] мальчик, и ты брось его в море» [Нарты 2, 1989: 222]; «и прыгнул он в самое море» [ОНС 1949: 156]. Там мальчик рос не по дням, а по часам, и вырос с высокую гору [Миллер 1, 1881-1887: 17]. Батраз «рос, как вообще сироты бесприютные: ходил всегда засаленным и оборванным» [Нарты 2, 1989: 307]. «Мальчик был безобразный с виду и противный» [ср. ОНС 1949: 404: «с комариными ножками и с головой в парше»]¹⁷: один Хамиц знал его доблесть» [Миллер 1, 1881: 148].

Параллели

1. Обе богини — Владычицы вод; они сохраняют зооморфные признаки: Фетида — «среброногая» *рыба* или *тюлень*, Биценон — *лягушка*, *муравей* или *морская черепаха*. Роковая свадьба изначально мыслилась *не на горе*, о чем повествуют поздние версии мифов (у греков Пелион, ср. у нартов Черная гора Агунды), а «*на дне морском*», что отчетливо сохранилось в нартовском мифе о свадьбе Дзерассы и Ахсартага: она длилась 9 дней, а потом молодые выбирались на сушу: «Год шли [они] по морскому дну» [Нарты 2, 1989: 21].

2. Обе богини, ранее причастные к важнейшей функции постоянного обновления мира, вдруг оказываются ее лишены. Право рождения и возрождения человеческих поколений переходит к *мужчинам*. Фетида и Биценон получают мужей более низкого статуса, чем тот, которым их наградила природа. Обеих богинь *унижают в браке*. Фетиду отдали почти принудительно, Биценон добровольно, но неравный брак длился в одном случае лишь до зарождения плода, в другом до раннего младенчества ребенка. Дети обеих богинь остаются *с отцами*. Хамыц вынашивает дитя на спине меж лопаток, как у греков Зевс Диониса — в бедре [Hes. Theog. 940–942; Eurip. Bacch. 1–9; 88–99, 286–297; LIMC III, 1986: Dionysos 666–686] или Афины — в голове [Hes. Theog. 886–900; Apld. I. 3. 6; LIMC II, 1984: Athena 343–369]¹⁸. Воспитателями выступают в обоих случаях родственники с *материнской* стороны: у греков Хирон, у нартов — водные боги Биценты. Обе кровные родительницы не выкармливают своих детей, что отразилось

¹⁷ Ср. также: [Памятники 1, 1925: 56]: в провожатые Арахцау дают Батраза — «мальчика неопрятного, полунагого с босыми ногами, паршами на голове». Безобразие ребенка есть наследие «безобразного» (тотемного) образа его матери.

¹⁸ Надо иметь в виду, что прежде Зевс проглотил беременную Афиной Метиду, которая грозилась после дочери родить еще и сына, который свергнет отца.

даже в имени одного из них (Ахилла). Оба отца перенимают функцию матерей¹⁹.

3. Немаловажно, что этот кардинальный поворот в существовании человеческого социума совершается при участии богов, он — вселенское, *космическое событие*. Свадьба Пелея и Фетиды, на которую поздравить молодых пришли все боги, — единственное такое событие в греческих мифах, кроме вторичной истории с Гармонией и Кадмом. В нартовских мифах присутствие бога (Афсати) упомянуто на свадьбе Саууая с дочерью Шатаны [ОНС 1949: 272], а «все боги» собираются, помимо небесного пира, устроенного Сафой в честь Сослана [Сказания 1978: 120], в основном на земной свадьбе Ацамаза и Агунды [Сказания 1978: 382; ср. Нарты 2, 1989: 339]: «На Черную гору за Агундой-невестой, поднимаются нарты... Едут они, и по дороге присоединяются к ним все сваты и дружки. В Арджинаран за Татартупом заехали они, и на Курп-гору, где стоит дом светлого Елия, и в дом славного Никкола, на вершину Уаза, и на вершину Адай, к могучему Афсати, и на Кариу-гору, где стоит святилище Фалвара — покровителя скота. С небес же призвали они небожителя Уастырджи».

4. Обращает на себя внимание связь Ахилла и Батраза *с музыкой*. В античном искусстве Ахилл редко и в общем как бы немотивированно изображается с лирой [LIMC I, 1981: ACHILLEUS 51, 52, 99], игре на которой его обучал Хирон. Фандыр в руках закаляемого Курдалагоном Батрадза [Нарты 2, 1989: 223; ср. Миллер 1, 1881: 19] — явно *инструмент возрождения*, а его музыка говорит о процессе творения, появлении космической гармонии. Оба таких ребенка воспринимаются как *первороденные*, возникшие у изначальной человеческой пары.

5. Далее, обоих детей закаляют. Закалка огнем и водой ребенка, Ахилла Фетидой и Батрадза Курдалагоном, не что иное, как ритуал возрождения сына-супруга, совершаемый у нартов уже не самой богиней-матерью, а мужской ее заменой — небесным кузнецом, изготавливающим в век металла «стальных» и «булатных» героев [Нарты 2, 1989: 223, 228 и др.]. Изначально то было биологическое рождение *в материнском лоне*, переосмысленное позднее как *варение* мертвой плоти в котле и *переваривание* ее в

¹⁹ Ср. переходный нартовский вариант [Памятники 2, 1927: 21], где Хамыц, вынужденный отнести жену, «аварскую красавицу Агунду», к ее родителям Татараяевым, «плюнул ей между двумя лопатками, и от этого женщина забеременела. Женщина стала считать свои дни, и когда наступило ее время, то послала за Хамицем; велела вскрыть у себя между лопатками, и оттуда улыбнулся ребенок; ребенок это был Батраз. Хамыц взял ребенка и принес его домой. Аварская же красавица Агунда от этого упала в комнате и умерла. Труп ее Хамыц привез в Нарту и похоронил в том новом склепе, который он приготовил для себя».

живую. Огонь и вода, связанные с варением в котле, присутствуют и в чародейных деяниях Фетиды, и в «техницизированной» версии кузнечного ритуала. Но оба ребенка не стали бессмертными: у Ахилла уязвима пята, у Батраза — одна «сырая кишка» [ОНС 1949: 167] или «три волоска на темени» [Нарты 2, 1989: 228].

6. Особо отмечены связи детей и родителей. Фетида ведет Ахилла по жизни, до самой смерти, оплакивает и погребает его своими руками [Грейвс 1992: 503–504 (164.1)]. Биценон после ухода из Нарты не дает о себе знать, и Батраз остается с приемной матерью Сатаной и с отцом Хамыцем. Связь Хамыца с Батразом получает почти эмблематический смысл, тогда как связь Ахилла с Пелеем довольно бледная; до женитьбы у Пелея была своя, весьма бурная и цветистая жизнь, после Фетиды — мало связанная с ушедшим под Трою Ахиллом. В теме «неравный брак» в греческом случае отчетливо проявляется архаичная линия «*мать — сын*» (очевидная еще и в отсутствии у греков культа Пелея, наличествующего у Фетиды и Ахилла [RE Hbhd. XI, 1936: 209, s.v. Thetis]), в нартовском — более новая «*сын — отец*», хотя сохранились и редкие древние версии, как рождение Батраза матерью в «непорочном зачатии» [Нарты 2, 1989: 227], уже после смерти отца его Хамыца [Памятники 1, 1925: 71, прим. 1; ср. Нарты АГЭ, 1974: 274: «Когда родился Патараз, его отца уже не было в живых»].

5. БОРЬБА ЗА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОХИЩЕННОЙ ЖЕНЫ

Греческий вариант: Троянская война

У греков «яблоко раздора» приводит к Троянской войне. Война за возвращение Елены долго длится в пространстве и во времени, охватывая десять или даже двадцать лет [Ном. II. XXIV. 765], и включает Грецию, Крит, близлежащие Эгейские острова, Фракию и сопредельные территории Трои-Илиона. Олимпийские боги делятся на защитников и противников Трои, глава пантеона Зевс сохраняет нейтралитет. Но завершается она все же возвращением похищенной жены.

Похищение Елены Парисом-Александром. В греко-тройском конфликте древнейшим событием представляется *похищение Гесионы* [Tzetz. Лук. 340; Serv. Aen. III. 80] — сестры Приама и дочери царя Лаомедонта. Похитил ее во время первой войны под Троей с участием Геракла Теламон — сын Эака и брат Пелея, отца Ахилла. Никакого возмещения от греков троянцы в тот раз не получили.

Еще до отплытия Париса за Еленой в Спарту ее супруг Менелай посещал Трою по своим делам²⁰, и оба были знакомы ко времени встречи в Спарте. Там Менелай радушно принял гостя, угощая его в течение 9 дней, а затем оставил Елену замещать его на троне, срочно отбыв на Крит хоронить деда по матери Катрея [Apld. Epit. III. 3]. Тем временем Парис с влюбившейся в него Еленой покинули Грецию [Eur. Troad. 983–997], разграбив дворцовую казну и захватив рабов [Hom. II. VII. 345–364], и отбыли в Трою. Менелай был извещен о произошедшем богиней-вестницей Иридой и возвратился в Спарту.

Сбор войска. Менелай спешно обратился к своему могущественному брату Агамемнону, правителю Микен, с просьбой собирать войско, но Агамемнон решил прибегнуть к военным действиям лишь после официального отказа в выдаче похищенной. Послы (Менелай, Одиссей, Паламед) были отправлены, отказ получен [Schol. II. III. 206], и тогда уже стали собирать войска.

Агамемнон решил привлечь всех ахейских и критских царей, ранее претендовавших на руку Елены. Чтобы не дошло до вооруженных конфликтов, хитрый Одиссей предложил тогда всем претендентам поклясться отцу невесты Тиндарею на кусках жертвенной лошади, что они будут действовать тому, кто окажется избранником Елены [Apld. III. 10. 8; Грейвс 1992: 469 (159.b)]. Им стал Менелай. Пока Агамемнон сзывал *бывших женихов*, Менелай в сопровождении Одиссея и Талфибия отбыл на Кипр к царю Киниру и собирал народ в других местах [Hdt. I. 3; Apld. Epit. III. 6; Грейвс 1992: 476 (160.b)]. Однако не Менелай был движущей силой предстоящего военного похода: им командовал Агамемнон вместе с критским царем Идоменеом, поставившим наибольшее число кораблей.

«Маленький мальчик». **Выманивание из моря.** Было предсказание Калханта, что Трою не смогут взять без участия в войне юного сына Пелея [Apld. III. 13. 8]. Его мать Фетида скрыла 9-летнего Ахилла на острове Скирос, пряча его в женском платье среди дочерей Ликомеда [Apld. III. 13. 8; Hug. Fab. 96].

Но греки нашли способ выманить его из тайного убежища [Apld. III. 13. 8; Ovid. Met. XIII. 162-170]. К тому времени Ахилл успел стать юным отцом: дочь Ликомеда Дейдамия родила ему сына Пирра-Неоптолема [Apld. III. 13. 8; Schol. II. XIX. 332]. Посольство в количестве трех человек — Одиссея, Диомеда и Нестора, прибыло на Скирос, разложив ценные товары — женские одеяния, пояса и прочее. Среди них оказались предметы вооружения, и Ахилл тотчас сорвал с себя женское платье и под звук боевой трубы отправился с греками в Трою.

²⁰ Чтобы спасти Спарту от чумы, Менелай по указу Дельфийского оракула искал в Троаде могилы сыновей Прометея — Лика и Химера [Грейвс 1992 (159.q)].

Двухразовый поход. Отсутствие проводника. Сбор войск имел место в беотийской Авлиде. Но отплыть никак не могли. Причиной тягостно-го простоя было незнание морского пути в Трою [Apld. Epit. III. 17; Paus. III. 12. 5], был необходим проводник. Первый раз, отправившись в путь, греки прибыли в Мисию, где царствовал Телеф — сын Геракла и Авги. Они стали грабить селения, полагая, что прибыли в Трою [Apld. Epit. III. 17], но Телеф оказал сопротивление. Он был ранен Ахиллом и был вынужден отправиться в Грецию к своему обидчику, ибо только Ахилл мог его излечить. После того царь Мисии, скрепя сердце, согласился указать морской путь в Трою [Hug. Fab. 101; Apld. Epit. III. 20]. По другим сведениям, проводником стал Кориф (Κόρυθος), сын Париса, посланный из мести его первой женой Ойноной [Tzet. Lyrk. 57].

Долгая стоянка войск у моря. Войска, готовые к отплытию, снова собрались в беотийской гавани Авлида. Но отплыть опять не могли. На сей раз богиня Артемида не давала попутных ветров из-за нарушения обетов Агамемноном, что грозило сорвать весь поход. Она потребовала принести в жертву дочь Агамемнона Ифигению, которую обманным путем привезли из Микен под предлогом ее брака с Ахиллом [Apld. Epit. III. 21]. Артемида пощадила деву, заменив ее ланью, и перенесла ее в Таврию, сделав своей жрицей, в обязанность которой входило приношение в жертву чужеземцев.

Ход войны. Затяжная война длилась 9 лет, на 10-й год Ахилл *впал в гнев*, из-за оскорбления Агамемноном. Когда по указу оракула, чтобы избавиться от кары Аполлона, косившего чумой их войска, Агамемнон вынужден был вернуть жрецу Хрису его плененную дочь Хрисеиду [Hom. II. I. 9–43], он отнял у Ахилла его добычу — деву Брисеиду [Hom. II. I. 101–187]. Ахилл отказался участвовать в битве и грозился отплыть домой. Агамемнон деву вернул, но греки терпели поражение, и, чтобы переломить ход войны и ввести в заблуждение троянцев, друг Ахилла *Патрокл* вышел на бой в его вооружении, подаренном некогда богами. Доблестная «Патроклея» действительно повернула ход войны в сторону греков, но Патрокл был сражен Аполлоном ударом *между лопаток*²¹ [Hom. II. XVI. 783–805, особ. 791–792; Dictys II. 43], а затем добит двумя смертными — Эвфорбом и Гектором, и тогда Ахилл, в новых, выкованных Гефестом по просьбе Фетиды доспехах,

²¹ Ср. смерть нарта Болатбарзая: «Ему копьё всадили *меж лопаток*» [Нарты 1957: 48]. У греков это редкий мотив (кроме лопатки Пелопса, сыгравшей роль во взятии Трои); в нартовских мифах лопатка очень значима; баранья лопатка выступает предметом гаданий. Ср. помещение между лопаток зародыша у Хамьца. Спина — наиболее уязвимая часть человеческого тела, ср. указание Сатаны Сослану перед боем с Тотразом: «Спереди его и пуля не берет, и нож не режет, но со спины он мягче, чем кормовая тыква...» [Нарты 2, 1989: 389].

вышел на мстительный бой. Он одолел могучего Гектора, но и его самого убил, руками Париса, верный защитник Трои бог Аполлон²² [Apld. Epit. V. 3], причем, по одной из версий, в своем собственном храме, Аполлона Фимбрейского (Чабрецового), считавшемся нейтральной зоной [Dares 34; Dictys IV. 11; Serv. Aen. VI. 57].

Падение Трои. Троя пала летом, в месяце Таргелионе [Dion. Hal. I. 63. 1], или 28 Скирофориона, в дни *летнего солнцестояния*, в *полнолуние* [Clem. Strom. I. 104. 2]. После смерти Ахилла (события после погребения Гектора выходят за рамки «Илиады») надежда оставалась на обладавшего Геракловым луком Филоктета, брошенного греками из-за *смердящей раны* на острове Лемнос, где его укусила змея [Apld. Epit. III. 26; V. 8; Procl. Chrest. 1]²³. Он мог взять Трою только при участии юного сына Ахилла — Неоптолема (Apld. Epit. V. 10; RE XVI, 1936: 2460-61, s.v. Neoptlemos). Греки берут Трою, предварительно похитив ее священный символ *палладий*, упавший некогда с неба на место основания Илиона, привезя лопатку Пелопса из греческой Писы и выполнив другие предписания оракула [Apld. Epit. V. 10; ГРЕЙВС 1992: 511 (166.g-m)]. Проникнуть в город им помогает *деревянный конь*, хитростью оставленный на берегу якобы отплывшими домой ахейцами, с посвящением богине Афине, вырезанном на его боку. В нем скрывались храбрейшие воины, которые и проломали стену, открыв широкий доступ другим. Троя была разграблена, Елена уведена Менелаем, знатные троянки взяты в качестве почетной награды греческими вождями [Apld. Epit. V. 23]. По пути домой почти все ахейцы претерпели множество бедствий (были занесены в чужие земли — в Египет и на Кипр, погибли из-за Навплия, зажигавшего ложные маяки, — его сына Паламеда убили по ложному навету ахейские вожди, и т.п.), а по прибытии домой в Микены Агамемнон был убит в своем дворце женой Клитемнестрой и ее возлюбленным Эгисфом. За отца потом отомстит его сын Орест, который убьет свою мать [Apld. Epit. VI. 23]. Одиссей вернется домой из водных странствий только 10 лет спустя.

---

²² Фетида была оскорблена поведением Аполлона: пел на ее свадьбе, а потом убил рожденного ею сына [Aesch. Frg. 350].

²³ Случилось это во время жертвоприношения Аполлону Сминфейскому (Мышиному), патрону Трои и обширной округи. Незаживающая рана стала следствием: 1) кары со стороны Афины, притязания на любовь жрицы которой (Хрисы) он отверг; 2) кары со стороны Геры за то, что поджег костер преследуемого ею Геракла; 3) кары со стороны самого Геракла (Филоктет был ранен его стрелой, отравленной ядом Лернейской гидры) за то, что разгласил местонахождение его погребения [ГРЕЙВС 1992: 486 (161.i-1)]. Более или менее правдоподобной ритуально выглядит только первая версия.

Нартовский вариант: взятие крепости

В нартовском эпосе сюжет о военном походе на крепость врага, похитившего женщину (крепость Гори, Мысыр, крепость Хыза и др.), составляет лишь один из эпизодов драматической жизни героев, но в нем примечательны некоторые смысловые узлы, близкие «троянским» событиям.

Похищение жены и (или) сокровищ. Один из наиболее близких вариантов дает осетинское сказание «Ацамаз и алдар Мысыра²⁴» [ОНС 1949: 213 сл.]. Случилось так, что алдар Мысыра похитил жену у Нашран-алдара, воспользовавшись его отсутствием. Вместе с женой была похищена и роскошная *белая бурка*, полученная накануне алдаром от соплеменников. Вернувшись и узнав о происшедшем, он стал собирать войско.

Другой вариант [НС.ОНЭ 1949: 295–301; ОНС 2010: 288–290; ср. Сказания 1978: 338]: в отсутствие Сослана алдар хызовский решил похитить его жену, дочь Солнца, для чего он вырастил великолепного коня, выкармливая его в течение 7 лет поджаренным зерном. Женщина была схвачена, когда «сушила на солнце зерно» [ОНС 2010: 288; Сказания 1978: 338] или «вевля кукурузу на ветру» [Нарты 2, 1989: 252]. Вернувшись, Сослан не нашел возлюбленной и обратился к Шатане, поведавшей ему следующее [НС.ОНЭ 1949: 295 сл.]:

«Как алдар прискакал и жену похитил,
Держит красавицу за крепкими замками,
Во дворце, в крепости томит ее в плену».

У кабардинцев испы похищают Сатаней [НКЭ 1957: 366], или же это делает Ашамазоко [НКЭ 1957: 392].

В других вариантах война разгорается из-за похищения скота, а в одном адыгейском сказании, напоминающем сюжет повести Н.В. Гоголя «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем», два закадычных друга, Тлегуц-жач и Ящ, вступают в бой из-за орехового дерева [Нарты. АГЭ, 1974: 300 сл.]. Ящ погибает, как и шесть его сыновей, седьмой же мстит за убитых.

Оскорбление мужчины женщиной. Но не всегда война с противником из-за женщины обусловлена ее похищением. Известны случаи, когда отец или брат обещают девушку в жены герою как компенсацию за задетую честь и причиненный душевный урон, однако потом следует отказ.

Так, в тексте «Урызмаг и Созырко» [Миллер 1, 1881: 41 сл.; ср. Нарты 2, 1989: 253–256] история начинается с хвастовства: на соборе нартов Урызмаг

²⁴ Согласно Вс. Миллеру [Миллер 1, 1881: 132, прим. 180], «Мисир по-арабски Египет», но такие приурочения выглядят случайными — упоминается даже Румыния.

и Созырко поспорили. Созырко сказал: «Моя жена лучше, и я лучше тебя!». А потом раскаялся в скоропалительном жесте неуважения к старшему брату и решил покончить с собой. Но жена Урызмага Сатана послала к нему зятя Чилахсартонна, а тот пообещал ему в жены свою красивую и неприступную сестру. Из-за ее отказа потенциальному жениху и началась пресловутая война [Миллер 1, 1881: 41]:

«Созырко полный гнева пришел, остановился в нартовском ауле и сказал: «Нарты! Я душою нездоров: Чилахсартонна девица за меня не хочет. Теперь для этого дружин нужно». Нарты сказали: «Лучше нам погибнуть, если Чилахсартонна девица за нас не хочет!» Послали глашатая, и он крикнул: «Нарты! Кто только может идти, пусть из тех ни один не останется: Созырко дружины требуются. Кто втроем, из них одного караульщика дома оставьте. Кто вдвоем, пусть оба поедут». Поутру собрались дружины».

«Злоязычный Челахсартах» обижает юного гостя Арахдзау на пиру: «И чего это ты, собачий щенок, приехал сюда? Ведь от тебя рыбой воняет» [Сказания 1978: 180]. Или юного и доблестного Ерахцау Сайнаг-алдар обзывает «незаконнорожденным» [Нарты 2, 1989: 406]. Тот в гневе покидает общество; его пытаются вернуть с помощью Сослана, которому обещана дочь Челахсартонна Бедуха или Агунда, дочь Сайнаг-алдара. Сослан возвращает героя, однако обидчик, нарушая обет, вместе с дочерью бежит и укрывается в крепости.

Сбор войска. «Маленький мальчик». При сборе войска на каждый двор налагается повинность — выделить воинов-мужчин, иначе будет отобран скот, или член семьи попадет в рабство, и т.д.

Удача похода зависит исключительно от участия в нем «*маленького мальчика*». Растущий не по дням, а по часам, и обладающий чудодейственной силой, только он способствует успеху войны. У нартов это Ацамаз, Ерахцау, Зимайхуа или безымянный герой [Миллер 1, 1881: 41].

После того, как Урызмаг собрал дружину в поход на дом Чилахсартонна, случилось следующее [Нарты 2, 1989: 255]: «У колдуньи ночью родился мальчик. Поутру Урызмаг кругом обошел свои дружины. Прибежал колдунья мальчик: «Я тоже в дружину иду!» Урызмаг сказал: «Вчера, мальчик, ты родился, как ты пойдешь сегодня в поход?» Мальчик сказал ему: «Сто людей какую помощь окажут тебе, такую и я тебе окажу!» Мальчик спросил: где ему воевать — вместе со всеми в дружине или особо — на горе?» Урызмаг велел ему сыпать стрелы с горы, так что он сражался отдельно от войска.

Выманивание из моря. Другой «маленький мальчик», Батраз, сын Хамыца и Биценон, которому было суждено взять вражескую крепость,

жил в море, не выходя на сушу. Как-то дети Бораевы попросили Батрадза выбросить им одного из быков, что водятся там. Он же ответил им: «Приведите Урызмага, и, когда вы ему голову обреете, то я вам выброшу быков и сам также приду к вам!» [Нарты 2, 1989: 222]. По хитрым уловкам взрослых, Урызмага начинали брить не вдоль, а поперек, а Батрадз, возмущенный неправильными действиями, показывал, как нужно делать [Нарты 1957: 193]. Он сам обрил своего дядю Урызмага, но по древнейшей версии *обрили его самого* [ОНС 1949: 157]. Совет дала Шатана: «побрейте ему голову, а волосы бросьте в море, и мальчик тогда в море больше не вернется». Сбривание волос означало отказ в праве на водную жизнь²⁵. Выйдя на землю нартов, он отправился к небесному кузнецу Курдалагону закаляться. Батрадз сумел выдержать самый испепеляющий жар, а когда Курдалагон бросил его остужаться в море, вся вода в нем испарилась на целую неделю. «Тут Батрадз сделался стальным и, как вышел оттуда, так и море снова начало идти (т.е. наполнилось водою)».

Долгое стояние на берегу. Алдар Мысыра или другой нартовский «тroyанский царь» обитал *за морем*, а, по словам сторонников Нашран-алдара, «море не пустило нас» [ОНС 1949: 216 сл.]. Долго стояли они на своем берегу, «пока усы не поседели» [ОНС 2010: 344]. И это несмотря на присутствие в войске божественных сил: «Насиран собрал три войска: одно больше другого. В его войске были стоголовые великаны, утренние ангелы, вечерние архангелы» [Памятники 2, 1927: 63].

---

²⁵ В наиболее детальном описании этой ситуации, где Батраза заменяет Сослан и Ахсартагата меняются местами с Бората [Нарты 1957: 192–194], ему уже не сбывают волосы, а слегка «ранят голову», так что ребенок больше не способен нырять. Ср. погребальный обряд нартов (и осетин) — положение на грудь или за пазуху умершему срезанной *пряди волос* его вдовы [Нарты 1957: 34, с. 514; Дюмезиль 1974: 41]. Это знак его посмертного спасения: все женщины мыслятся представительницами Владычицы вод, отвечающей за смерть-возрождение всего живого: их волосы — метафора *волны*. У греков такой обычай уже перешел к мужчинам: Ахилл, вспоминая об обете его отца Пелея принести в жертву реке Сперхею прядь волос сына по возмужании [Hom. II. XXIII.141–149], кладет свой русский локон на грудь мертвому Патроклу [Hom. II. XXIII. 151–153]. Ср. обычай осетин-мусульман положения на грудь покойнику *зеркала* [Газданова 2007: 309] — еще одной метафоры Вод (древнейшее зеркало — водная гладь, ср. миф о Нарциссе). Вот почему в славословиях невесте говорится: «На ее правом плече *солнечные лучи*, / На левом ее плече точеные *зеркала*, / На голове ее точеные *колыбели*» [Газданова 2007: 305–306]. Левое-женское соотносится с Водным прамиром, правое-мужское с рождаемым в нем супругом, богом-солнцем, а колыбель / голова — с собственно рождением младенца — матерью, но в патриархальной редакции (ср. рождением Зевсом Афины *из головы*).

В другом тексте [Памятники 2, 1927: 64; ср. Нарты 2, 1989: 316 сл.]: «...Тогус-алдар жил по ту сторону моря. А море не давало дороги войскам Насиран-алдара, и Насиран-алдар сказал: «Если в моей войне не будет кого-нибудь из моих передовых воителей Ацаевых, то дело у меня не выйдет. ... «Маленький мальчик», только из колыбели, «снарядился и пошел».

Незнание морского пути. В походе участвовали люди и все силы мира, включая зэдов и дуагов, но не было никого, кто мог бы указать морской маршрут. «Насран пошел воевать с Елта-Быца. Шли войска целый месяц, а потом остановились на берегу большого фурда, по которому они боялись переправиться, и стояли там» [Нарты 2, 1989: 323].

Посылали зэдов — но люди за ними по морю идти не могли, посылали дуагов — но лететь за ними по воздуху никто не мог, посылали водяных — но и за ними плыть под водой не находилось способных [ОНС 2010: 345–346]. Наконец волшебный конь Ацамаза сумел перенести его на другой берег [Памятники 2, 1927: 65]: «И въехал он в море на белом коне Ацаевых. Море не намочило даже копыта его коня...».

Двухразовый поход. Первый поход не удался. Сослан, сватавший дочь «знаменитого нарта» Елахсардтона Агунду и не получавший определенного ответа, был оскорблен и повел войска на крепость Гори. «Войска Сослана ... сражались против стен крепости, но те оставались неизменными» [Памятники 2, 1927: 43–45].

Причиной была поддержка противника небесными силами [НС.ОНЭ 1949. С. 295].

«Окружили крепость и пошли на приступ,
Да к ней не подступишь, взять-то и не могут, —
Ведь недаром алдар позвал тогда с неба
Зэдов и дуагов на подмогу себе».

Или: «Долго осаждали они крепость, но не могли взять ее, потому что алдар Хиза собрал на защиту крепости всех духов земных и небесных. И пришлось нартам вернуться домой» [Сказания 1978: 338].

В истории женитьбы Сослана на Бедухе: «Окружило войско нартов крепость Хиза и начало ее осаждать. Но крепко-накрепко заперты ворота крепости. Ничего не может поделывать Сослан, ни один камень не сдвинулся в крепостных стенах» [Сказания 1978: 192 сл.].

Итак, *первый поход* не удался. Тогда в бой вступает «маленький мальчик» — Арахцау или Зимайхуа, или безымянный герой. Или Шатана, приготовив жертвенные лепешки, возносит молитву «богу богов» с «молитвенного холма» о том, чтобы он выслал им на помощь Батрадза, ее

«нерожденного сына» [Сказания 1978: 338–339], сидевшего в тот момент на совете «с зэдами, с дуагами».

Батрадз услышал молитву и исполнился «неистовым гневом». Он прыгнул с небес на землю, на древнюю башню рода Ахсартага, и прожег все 7 ее ярусов, упав в медный котел. Там он остыл. Шатана оповестила его о случившемся, и он выступил в бой.

Ход войны. Поединок богов или героев

Первыми вступают в сражение кони противников, по одному с каждой стороны. А уже затем начинается поединок воинов. Кони бьются согласно ритуалу: сначала задними ногами, потом передними, затем кусают друг друга, так что от жара загорается земля [Памятники 2, 1927: 66; Памятники 3, 1928: 8; Сказания 1978: 85].

Враг, алдар Мысыра, предложил поединок с обиженным мужем, но Нашран-алдар испугался, и в бой вступил Ацамаз [ОНС 1949: 218 сл.; ОНС 2010: 347]. Дважды он бился с алдаром Мысыра, совсем обессилев.

Смерть «маленького мальчика». У хозяина крепости, Чилахсартонна или Сайнаг-алдара, были три чудесные стрелы — *дар Бога*. И одной из них он убил мальчика (Ерахцау). Урызмаг, чтобы воскресить, понес его через три долины; мальчик был ранен в ногу: «стрела из его колена высунулась». «В то время было так: если кого перенесут за три долины, то уже тому смерти не было. Урызмаг положил мальчика на спину и перенес за две долины. Сырдон был злодеем для нартов. Он сказал Урызмагу: «Ага, Урызмаг! Твою дружину разбили, а ты колдунья сына на спину положил и несешь». Тогда Урызмаг бросил мальчика, когда услышал эти речи. Поэтому мальчик умер» [Нарты 2, 1989: 256].

«Маленький мальчик» Зимайхуа обеспечивает перелом в войне. «Зимайхуа направился и наказал Сослану: «Я отправлюсь сейчас на вершину Черной скалы посреди крепости Гори и буду ее разрушать своей ногой, но Елахсартон пустит в меня одну из своих трех стрел, а та попадет мне в пятку, упаду с вершины скалы, и не допусти меня *прикоснуться к земле*, а перенеси меня через семь родников, после этого будет то, что скажет бог: и крепость Гори победим, а красавицу Агунду возьмем для тебя. Если этого не сможешь (сделать), то и я пропал, и дело твое не выйдет!» [Памятники 2, 1927: 45].

Все так и случилось, мальчик умер из-за неразумия Сослана.

«Маленького мальчика» Ерахцау пронзила третья из божественных стрел Сайнаг-алдара, *от макушки до пятки* [Нарты 2, 1989: 407], и его, для возвращения жизни, нужно было перенести через 7 рек. Сослан перенес

Ерахцау через 5 рек — помешал Сырдон, объявив, что Агунду уносят, и тот поспешил в крепость, положив раненого на ветки. Когда вернулся, мальчик был уже мертв, и Сырдон присыпал его «мертвой землей» [ОНС 1949: 82].

Жена-целительница. Почти во всех историях штурмующих крепость героев спасает от смерти нартовская женщина. Так, похищенная На-шран-алдаром жена заживляла раны Ацамаза и день, и другой, а на третий тяжело раненный мальчик не мог сражаться, и алдар совещался с ней, как быть [ОНС 1949: 219-222; ср. Нарты 2, 1989: 330]. Она велела ему поставить погребальное сооружение на высоких столбах из осины, чтобы тело не растерзали лисицы и волки. «Жена ночью голубкой полетела на погребальную вышку... И тогда дохнула она на него, поднялся Ацамаз из гроба, и стал он таким, каким был до поединка. Ни одной раны, ни одной царапины не осталось на нем». Ацамаз вошел в дом и убил спящего алдара, которому трижды снился зловещий сон о скорой гибели, коварно истолкованный новоприобретенной женой как благоприятный.

В другом случае раненого Ацамаза бросили на войлок, на котором *спала жена* Тогус-алдара, способная заживлять раны. К утру он излечился от стрел [Памятники 2, 1927: 67].

«Глебыца волочит в крепость притворяющегося мертвым Ашамеза. Бедуха берет его на руки, несет домой и зарывает в навозной куче» [Нарты. АГЭ, 1974: 289].

Аналогичные случаи — с другими ранеными, такими как Крым-Солтан или Субалци: «Тизмуда ... разделась донага и прошла она между кожей и мясом Крым-Солтана, и он стал как при рождении от матери (т.е. выздоровел)» [Памятники 2, 1927: 63]. «Жена его открыла ему дверь; сняла с него его одежду, уложила его спать, а сама пролезла ему между кожей и мясом, и стрелы лука попадали со звоном. Благодаря этому, Субалци стал, как при рождении от матери...» [Памятники 2, 1927: 72]; «...красавица Ададза проскользнула между кожей его и мясом, выбросила застрявшие в теле наконечники стрел, и раны его мгновенно залечились» [Сказания 1978: 420].

Падение крепости

Разрушает крепость другой, уже повзрослевший и даже ставший небожителем «маленький мальчик» [Миллер 1, 1881: 41; ср. Памятники 1, 1925: 90]: «Батраз, Хамыцев сын, смотрит с неба: хотя хорошо бьются Нарты, но ничего Чилахсартону не поделают. Батраз спустился с неба: «Что это значит, Нарты? Дым ваших ружей хорошо идет, а городу вы урону не делаете. Ступайте, притащите мою пушку, тогда увидите, что будет!»

Они пошли, но ни быками, ни людьми ничего (с ней) не поделают. «Как же еще после этого вы на войну ходите?» сказал им Батраз. Вот пошел он (к пушке) сам, взвалил ее на спину и принес к месту битвы...».

Батрадз, призванный с небес Шатаной [Сказания 1978: 338], созвал нартов и повел их в бой (Сослан как обиженный муж и тут не принимает участия в событиях). Под окнами хызовской крепости Батрадз сказал воинам:

« — Бечевою меня к стреле привяжите,
Со стрелой свяжите, да крепко-накрепко! —
... — А теперь вы стрелу на лук положите,
Тетиву тяните, да полным растягом,
И пустите стрелу в Хызовскую крепость».

«Троянский конь». Там, где крепость не разрушают столь радикальным способом, ее берут хитростью — герой (обычно Сослан/Созырыко) притворяется мертвым или облачается в шкуру испутившего дух животного, распространяя *зловоние и смрад* и *отравляя воду источника*, откуда ее брали для питья жители крепости. Женщины Гори «били ведрами его по зубам» [Нарты 2, 1989: 120].

Показательна осетинская версия [Памятники 1, 1925: 9 сл.]: Созырыко тяжело ранен при штурме крепости, он ложится *на меч лицом к родниковой воде*, откуда брали воду, и остается жив, прикидываясь мертвым. Отец с дочерью хотят удостовериться в смерти Созырыко. Бедуха сверлит ему бедро до самой пятки, а Челахсартон, выйдя из крепости наружу с починенной головой (ранее герой отсек ее заднюю часть), нюхает мозг. Тут Созырыко внезапно оживает и убивает противника. Бедуха кончает с собой в склепе отца [Памятники 1, 1925: 60–61], но Созырыко оживляет обоих с помощью волшебного камня *змеи*.

В кабардинском мифе о похищении женщины испами крепость берут, по предсказанию вещуньи Уорсар, муж Сатаней Уазырмес и пастух Горгоныж [НКЭ 1957: 346–349], и это, очевидно, одна из древнейших сохранившихся версий. Горгоныж, отрубив голову кабану, с его шкурой прибыл к крепости и кабаньей тушей, как щитом, пробил ее стены.

Возвращение жены. История с Нашран-алдаром и Ацамазом, которого целила похищенная женщина, завершилась следующим: Ацамаз с ее помощью проник в крепость, достал меч и перерезал горло алдару, сокровища забрал с собой, скот раздал нартам, а жену вернул Нашран-алдару [ОНС 1949: 220].

В другой версии, когда стены крепости, пробитые Батрадзом, рухнули, он сцепился с противником, вырвал руки и разможил голову алдару. И

возвратил из плена дочь Солнца, жену Сослана [Сказания 1978: 339]. «Тут и нарты хлынули в крепость Хиза. Имущество и драгоценности из дома хизского алдара они забрали, также взяли в плен жену и трех дочерей алдара».

Еще в одном тексте: «Когда выскочил Батраз, красный как пламя, тогда (сама) пришла Чилахсартонова девушка и просила его: «Будь милостив! Не срами меня. Я согласна выйти за твоего брата!» — Не по воле, так по неволе согласна будешь. Я не уведу тебя со срамом, но возьму с тобою половину этого города!» — Затем нарты взяли у них людей, казну, вместе с Созрыковой невестой, и отдохнули в его доме» [Нарты 2, 1989: 256].

Параллели

1. У нартов «Троянская война» разгорается из-за *похищения* — сначала скота, табунов или ценных источников жизни вроде орехового дерева, а затем уже из-за *похищения женщины*. Но именно последний мотив делает тему важной и драматической, близкой греческой теме.

2. Похищают не девушку, а именно *замужнюю женщину*, мать; у греков Елена еще до знакомства с Парисом родила Менелая дочь Гермioniу [Hom. Od. IV. 12–14; Paus. II. 18. 5]²⁶. У нартов в большинстве случаев похищают молодую жену, новобрачную, хотя включена в историю и зрелая Сатана.

3. Похищают жену *в отсутствие мужа* — у греков Менелай отбывает на похороны деда на Крит; у нартов молодой муж, как правило, отправляется в балц. Обычай можно признать ритуальным, коль скоро в матриархальной системе отец как таковой не признавался, и мужчина после зачатия ребенка исключался ритуалом из дальнейшей его судьбы [Акимова 2014: 51 сл.]. Реликтом такого положения дел можно считать и отправление в балц новоиспеченных мужей-осетин — примерно через три дня после женитьбы [Памятники 1, 1925: 51, прим. 31], и ныне исчезнувший обряд скрытного проживания их до года или до рождения ребенка в «чужом доме» [Газданова 2007: 349].

4. Долгое стояние войска объясняется тем, что «*не пускало море*». В войне принимали участие боги: у нартов — зэды и дуаги, у греков олимпийцы: на стороне троянцев была Афродита с ее яблоком Париса, Лето с

²⁶ По некоторым поздним сведениям, еще и трех сыновей: Этиола, Марафия и Плисфена. Ср. разные варианты: [RE VII, 1912: 2830–2831, s.v. Helene], но Гермioniа обычно известна как первое и единственное дитя Елены от Менелая. В «Одиссее» выразительно сказано: «Елене ж детей не хотели / Боги с тех пор даровать, как желанная ей родилась / Дочь Гермioniа...». Сыновья у Менелая были, но только от рабынь — Мегапент и Никострат.

Аполлоном и Артемидой и Арес, на стороне греков — оскорбленные проигравшие, Гера с Афиной, Гефест и Посейдон. Но в общем и целом антагонистов у греков два — *Владычица вод* Афродита и *Владыка вод* Посейдон [Грейвс 1992: 517 (167.4, 169.1)]. Новый *Отец* по видимости побеждает древнюю *Мать*. У нартов на мольбы Шатаны тоже отзывались небесные силы, но примечательно, что с самого начала божественная помощь была в основном на стороне *похитителя*: только у него есть три божественных стрелы, которыми он смертельно ранит «маленького мальчика».

5. Поход был в два приема, с участием «маленького мальчика». Не всегда мальчик сразу выступает в поход. Наиболее очевиден пример с Батразом, которого мольбами вызывает Шатана с небес, поскольку без него одолеть противника нарты не могут [Памятники 1, 1925: 90 сл.]. И хотя в сказании Батраз уже могучий муж, обитатель небес (собственно — бог), его принципиальная роль «маленького мальчика» реализована именно здесь. У греков 9 лет идет война, в которой «маленький мальчик» Ахилл не участвует. Только на 10-й год войны он вступает в бой, и именно ему удается сокрушить опору троянцев — Гектора. Ахилл тоже далеко не мальчик и даже не юноша, но он остается ритуальным «сыном» при своей матери Фетиде, и тоже гибнет, как нартовские «мальчики» Ацамаз и Зимайхуа. Трою окончательно удается взять только сыну Ахилла Неоптолему, тоже «маленькому мальчику» [ср. Грейвс 1992: 511 (166.h): «12 лет»], унаследовавшему ритуальную функцию родителя.

6. Собственно бой предваряется *битвой богов*. У нартов сражаются кони или похититель с главнейшим воином (иногда с обиженным мужем), у греков — храбрейшие герои от обеих сторон, в разветвленной и размытой системе (Менелай и Парис, Аякс и Гектор, Ахилл и Мемнон и т.д.), боги же выходят на бой по велению Зевса уже перед окончанием истории (Ном. II. XX).

7. Предваряет похищение жены, что ясно у греков, нарушение прав Прародительницы, Водной богини, — ее *неравный брак* со смертным, к чему ее вынуждают высшие силы (боги). У греков это Фетида, у нартов Биценон. Биологический процесс рождения ребенка от матери и выкармливание ее молоком кардинально трансформируется: теперь *младенца вынашивает отец* (Хамыц, ср. Зевс у греков), помешавший матери сделать его бессмертным и непобедимым (ср. «Ахиллесова пята», «сырая кишка» Батраза и т.д.). Уязвимость нартовского младенца объясняется небрежностью заместителя матери-«колдуньи» — несовершеннолетними условиями закладки мальчика небесным кузнецом Курдалагоном (слишком короткое местоилище, не позволявшее закрыть водой колени, нехватка воды и т.д.).

8. Сам пострадавший, *обиженный муж*, далеко не всегда возглавляет поход. Только при участии «маленького мальчика», впервые рожденного в

новой ритуальной системе (патриархальной, при доминанте *отца*), может быть взят вражеский город и возвращена похищенная жена. «Маленький мальчик» — важнейший феномен матриархального мира, он показатель восстановления жизни отца, отрицавшейся архаическим ритуалом. Но и в патриархальной системе он очень важен, как *новорожденный сын*, необходимая жертва для продления жизни родителя. «Маленьких мальчиков» с необычайными способностями много у греков. Это, например, сыновья Посейдона и Ифимедеи — Алоады (От и Эфиальт), росшие не по дням, а по часам, водрузившие Оссу на Олимп и грозившие, «что с высоты этих гор взберутся на небо, что превратят море в материк, засыпав его горами, а землю в море» [Apld. I. 7. 4]; подобные замыслы циркулировали и у нартов. Алоады были уничтожены Артемидой. Кроме того, восьмимесячный Геракл, удушивший в колыбели двух змей [Apld. II. 4. 8], и Гермес, на четвертый день после рождения угнавший коров у своего брата Аполлона и изобретший лиру и флейту [Hymn. Nom. III. 73 sq., 418 sq.], и проч. Но в нартовском мире роль «маленьких мальчиков» совершенно исключительна, что говорит об актуальности в среде создателей мифов утверждения новой системы ритуальных ценностей. «Маленькие мальчики» играют особую роль в брачных ритуалах многих народов и до сих пор в большинстве обществ считаются первыми желанными новорожденными [Акимова 1999: 184 сл.; Агуев 1986: 57]. Характерно осетинское благопожелание невесте: «Девять мальчиков и одна синяя девочка!» [Газданова 2007: 320, 321, 323].

9. Их космическая первозданность, столь акцентированная патриархальным социумом, комбинируется с темой «выброшенного ребенка». Выбрасывают, как правило, *в море*. Их рождает теперь не Водная праматерь, а как бы безличная стихия.

«Нарты разделились на две половины, на верхнюю и нижнюю. В одну и ту же ночь в верхней половине Нартов родился мальчик, в нижней родилась девочка. Как только мальчик вышел из утробы своей матери, Нарты удивлялись и говорили: «Куда девался мальчик?» Он пришел в полночь в нижнюю половину Нартов и там совершил акт, как муж с женой, с новорожденной девочкой. ... Таким образом она — девочка — до света дня родила мальчика. Нарты этим делом были недовольны, сделали деревянный ящик с крышей, засадили в него ребенка-мальчика, закрепили крышу ящика и забросили его в море. Понесло море ящик и как раз прямо принесло его к рыбакам Бедзенаг-Алдара» [Памятники 1, 1925: 52; ср. Нарты 2, 1989: 414; ср. 409].

10. У греков «маленький мальчик» — *Ахилл*, у нартов — *Батраз* (Ацамаз, Ерахцау, Зимайхуа, Сауа, сын Кандза, и другие). Случай со свадебным

яблоком на Суде Париса и зубом Аркыза на Суде Кызмыды показывает, что такой «маленький мальчик» выступает «похитителем похищенной», восстанавливающим формально ее права. Фетида была унижена в браке со смертным, и ее сын Ахилл осаждают Троию, способствуя возвращению Елены грекам (по ряду сведений, он был мужем Елены в мире ином, на острове Левка [Paus. III. 19. 11]), или пятым мужем, «Пемптом», в мире земном [Грейвс 1992: 503 (164.n)]. Нартовский «маленький мальчик» отвоевывает невесту для своего *старшего друга* (Насрана, Сослана и др.), выступая его юной героической проекцией, а иногда сам получает ее. *Близнечество* чрезвычайно характерно и для греческих вариантов: организуют Троянский поход Агамемнон и Менелай, наиболее храбрые воины Ахилл и Патрокл, отстаивают Троию Парис и Гектор, похищают святыни Одиссей и Диомед и т.д. (в ряде случаев прослеживаются «сплюсненные» фигуры *отца-сына* как противовес *деве-матери*).

11. Отсюда ясно, почему похищают *замужнюю женщину* — необходимо лишить ее ритуальной сущности *Девственной матери*, главенствовавшей в матриархальной концепции воспроизводства жизни. У греков похищенная Парисом Елена выступает вновь как дева, рождает ему четырех детей — троих мальчиков, Бунома, Агана и Идея, и одну дочь, Елену [DICTYS V. 5; Tzet. Lyk. 851]. Примечательно однако, что *все три мальчика погибают* под обвалившейся крышей здания, и выживает одна только *дочь*. От Менелая у Елены тоже, как говорилось, была единственная *дочь* — Гермiona. Кроме того, ее еще прежде, подростком, похищал Тесея [Hug. Fab. 7], которому она родила тоже *дочь* — Ифигению [Plut. Thes. 33; Paus. II. 22. 7]. В Елене четко прослеживается бывшая матриархальная прародительница со многими «женихами», которая теперь лишается божественности и, как смертная, воспроизводит ритуально первым свой собственный, *женский*, пол. В соответствии с этим, по отдельным источникам, и Парис *убил своего сына* от Ойноны Корифа — из ревности к Елене [Hellanik. Troika. Frg. 136]. В новых версиях мифов Елена все еще выбирает мужа сама, хотя якобы под присмотром своего отца Тиндарея. Эта линия широко представлена и в нартовских мифах, где красавицы при строгих отцах сами делают выбор супругов — ср. Агунду, Адыл, Косер, Уацырухс и пр. [ОНС 1949: 404 и др.], ср. отзвуки полиандрии в удивительном рассказе Батрадза [Дюмезиль 1974: 190–191; ср. Сказания 1978: 357]. Если же они без отцов или с одной только матерью, то матриархальная суть брачного выбора еще более очевидна [ср. Сказания 1978: 93; 157–158; Памятники 3, 1928: 60–61 и др.]. Нартовские жены весьма независимы, и в случае конфликтов готовы к разрыву: «я знаю дорогу в дом отца и не привязана я цепями» [Памятники 3, 1928: 59]. То же отмечено у осетин в недавнем прошлом: «Муж — лепешка,

жена — переворачивает ее» [Памятники 3, 1928: 105]; «Осетины понимают головой жену. Дурна ли, хороша ли — она голова мужу» [Памятники 1, 1925: 51, прим. 26].

12. *Похищение дев у отцов* известно и у греков, и в нартовских мифах — можно вспомнить не только похищенных Диоскурами Левкиппид, но и вышеупомянутых Хрисеиду [Ном. II. I–21, 53–100] и Брисеиду [Ном. II. I. 101–187, 318–348] самого троянского цикла, похищенных у их отцов и плененных, причем Брисеида отобрана повторно — Агамемноном у «женых» Ахилла. У нартов часто появляется «сестра» при многочисленных «братьях», которые ее опекают (ср. братья Дзерассы, брат Биценон, брат Агунды), или же «дочь» при отце — как, например, Агунда или Бедуха при Сайнаг-алдаре или Челахсартоне. Это уже не переходная, а утвердившаяся патриархальная форма выдачи девушек замуж. Они не матери, а именно *девы*, и для данного блока ритуалов и мифов вторичны.

13. «Маленький мальчик» нартовских историй мужественно сражается, но погибает от руки похитителя, вооруженного божественным оружием (три стрелы Челахсартона или Сайнаг-алдара). Его пытается спасти организатор похода и главный атакующий крепость — Урызмаг, Сослан или Созырыко, но это не получается. Нартовский «маленький мальчик» падает *жертвой боя*, искупая своей смертью жизнь взрослых «отцов». Кстати, сын Ахилла Неоптолем тоже погиб молодым, но не в Трое, а в Греции, в дельфийском святилище Аполлона [ГРЕЙВС 1992: 526–527 (169.h)]. Важно наличие взрослого мужа-партнера, который завершает военную операцию. Неоптолем у греков выступает в паре с Филоктетом, от лука которого погибает Парис.

14. Греческий «маленький мальчик» (Ахилл) за время войны вырастает, становясь взрослым, и *раздваивается* на «отца» и «сына» — Патрокла и Ахилла. Патрокл, превосходящий годами Ахилла [Ном. II. XI. 785–787; Акимова 1999: 190], выходит в бой в его оружии, чтобы троянцы приняли его за друга (пребывавшего тогда «в гневе» на Агамемнона) и, совершив ряд подвигов, погибает. Ахилл мстит за Патрокла жестокой мстью, но и сам погибает от руки Аполлона, направившей в его пяту стрелу Париса. Сквозь все ветвления этого важного блока — «Патроклея» составляет духовный центр «Илиады» — проходит центральная «матриархальная» мысль о гибели *отца ради сына*. У нартов идея уже новая: гибель *сына ради отца*, но сохраняется мощная тема *мести сына за отца* в истории Хамыца — Батраза.

15. Исходный мифоритуал предполагает идею циклического *возрождения бога-солнца в первичных водах*, благодаря браку с Владычицей. Путь в «заморскую страну» — это метафорический путь в водный хаос,

аналогичный полусказочному критскому Лабиринту, в который попал Тесей, спасшийся благодаря «нити Ариадны». Незнание пути «в иной мир» приводит к ошибочному первому походу; знание, обретенное затем благодаря богам-«проводникам»²⁷ (в мужском облике и у греков, и у нартов), указывает верный путь. «Заморская крепость» — это подводный дворец, о котором часто повествуется в нартовских мифах²⁸, и который у греков заменен подземным дворцом Персефоны и Аида [ср. на апулийских вазах: TRENDALL 1989: Pl. 151, 209]. Похищенная, ставшая женой похитителя, не кто иная, как бывшая *матриархальная Владычица*, от которой зависело циклическое восстановление жизни. Она *провидица и целительница*, спасающая от смерти героев (у нартов бывает крылатой, испускающей свет, с прозрачной кожей, и т.д.). Она *красавица*, а красота — особое качество *жизни*: «свет неба и краса земли встретились на лице ее»; «Она снимает с себя свою черепашую рубашку и освещает своей красотой и белизной тела весь дом, как бы бриллиантами» [Сказания 1978: 300; Нарты 2, 1989: 305-306 — о жене Хамыца]. И она же говорит, что все принесенное ею добро не оскудеет и не растратится. Греческие и нартовские красавицы, как богини, не стареют: «Семь лет сватался Сослан к Ведухе, прекрасной дочери Челахсартага, и семь лет подряд отказывал ему гордый Челахсартаг, сын Хиза» [Сказания 1978: 189]. Они, как покойная жена Сослана Бедуха, сохраняют чародейную силу и в мире ином [Нарты 2, 1989: 181].

16. Греческая Елена поражает немислимой, умопомрачительной красотой, ради которой Приам отказывается выдать ее добровольно ахейцам. Троянские старцы при виде ее говорят: «Истинно, вечным богиням она красотой подобна!» [Ном. II. III. 158]. Однако Елена (и другие греческие красавицы) уже никого не спасает, ее дублетность очевидна в именовании земной копией Афродиты. Небезынтересно, что *спасительница* в троянской истории была, но она оказалась далеко отодвинутой в тень — это первая жена Париса *Ойнона* (Οἰνώνη; в переводах: Энона), *водная богиня*, дочь реки Кебрена (Apld. III. 12. 6), ученица богини Реи, бабушки Зевса, *прорицательница* и *целительница*. Она единственная могла спасти бывшего мужа после его смертельного ранения [Prokl. Chrest. 1; Ovid. Her. XVI. 119 sq.; Apld. III. 12. 6], но отказалась сделать это, а затем, раскаявшись, покончила

²⁷ Ср. наставления Кирки Одиссею по поводу его дальнейшего морского странствия [Ном. Od. XII. 39-141] и вещания чудесной рыбы Хамыцу, отправившемуся разыскивать попавших в плен к морскому чудищу семерых донбетров, сыновей своей тетки [Нарты 1957: 95].

²⁸ См.: «И вот достиг Ахсартаг дома владетелей вод Донбеттыров. Стены дома — из перламутра, полы — из голубого хрусталя, и утренняя звезда светит с потолка» [ОНС 2010: 8].

с собой. У греков все целители давно — *мужчины*, выученики Хирона и Асклепия: Ахилл, Патрокл, Махаон, Подалирий и другие, у нартов же, по древней системе, — почти исключительно *женщины*.

17. Унижение Владычицы в браке, путем изъятия прав на продолжение рода, вылилось в миф о ее *смертности*, очевидной в историях ее похищения (ср. похищение Керы Плутоном [Грейвс 1992: 63-65 (24)]), унижения и даже убийства [Акимова 1996: 263]. А война за ее возвращение — это подводный бой распадающегося тела хаоса на две космические половины, мужскую и женскую, где мужская ранее соотносилась с небом, солнцем и верхом, женская — с низом, луной и водным миром [Акимова 2014: 51 сл.], но теперь отношения *перевернулись*. Однако в период принудительной передачи прав от женщин к мужчинам возникло много стадийных и периферических вариантов: идея в ее чистоте оказалась размытой. И у греков Посейдон не вытеснил Афродиту из сферы рождающих вод, и в нартовских мифах водный мир представляют не только Дзерасса или Биценон, но и все Донбеттыры и Биценты.

18. Отвоевывающий свою жену муж тоже смертен. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод *зловония и смрада*, распространяемого атакующим город героем: Сослан/Созырко лежит у ручья в гниющей бычьей шкуре; пастух Горгоныж берет крепость с мертвым и, вероятно, тоже не благоухающим вепрем; Филоктет берет Троя своим луком, со смердящей раной ноги (в поздних версиях ее заранее исцелили). Ответвления греческой мифической линии — деревянный Троянский конь на морском берегу, внутри которого скрываются ахейцы, и погибшие из-за него от двух морских змей, насланных Аполлоном или Афиной, Лаокоон с сыновьями [ApId. Epit. V. 17–18; RE Hbbd. XXIII, 1924: 737, s.v. Laokoön]. Контекст их зловония — *отравление Владычицей вод*, а коль скоро Троя пала летом и Сослан влез в шкуру «между июлем и августом», следует предполагать дни *летнего солнцестояния*, с максимальной жарой идущего к смерти солнца и максимальной степенью разложения мертвой материи (с аллюзиями на архаический погребальный обряд «выставления тела»). Вопрос очень сложен, но одним из его аспектов представляется демонстрация смертности *солнечного жениха*, который добывает *богиню-невесту*: взятие города — общеизвестная метафора брака²⁹. По видимости бог (бык, вепрь, конь), «жених» есть смертный вариант *божественного похитителя*. Сначала «маленького мальчика» *выманивают* из моря как первородной среды, а в конце он сам, уже возмужавший или замененный параллельной фигурой взрослого воина, *выманивает* из крепости похитителя, с которым расправляется,

²⁹ Брачный смысл особенно ярко эксплицирован в образе Батраза-стрелы (с позднейшей заменой ее пушкой), пробивающей стены крепости.

отбирая у него женщину. Так оба утрачивают свою божественность — и «матриархальную» (водный мир), и «патриархальную» (небесный мир).

19. О бывшем божественном статусе похитителя, которым наделил его ранний патриархальный ритуал, говорит и занятие женщины (ср. жену Сослана, дочь Солнца) во время похищения: тогда она «сушила на солнце зерно» или «веела кукурузу». Занятие с зерном-семенем (необходимость очистки, просушки) метафорически намекает на *неидеальность ее брака*, на несоответствие богини-жены обычному мужу. Можно вспомнить историю Ино в мифе о Золотом руне: чтобы убить пасынка Фрикса, она подговорила женщин *поджарить семенное зерно* [Apld. I. 9. 1; RE XII, 1925: 2298, s.v. Leukothea]; брак рухнул, и тетка Диониса Ино была «похищена морем», превратившись в богиню Левкотею. У нартов же похититель всегда богат и знатен. Он друг богов, и это его божественные стрелы (ср. Сайнаг-алдар) убивают «маленького мальчика». Самый знаменитый из них, Челахсартаг, — «из страны восхода» [Нарты 1957: 121], наследует от бывшей богини спасительское качество *красоты* [Нарты 1957: 243]:

«Челахсартаг, сын Хиза — гордый воин,
Веселый, бравый и, как тополь, стройный».

20. «Заморская» война — вариант космогонического становления космоса из хаоса. Изъятие у подводного Владыки похищенной жены отнюдь не означает его «унижения». Это продиктовано ритуалом: прежде чем женщина, теперь лишенная божественности, станет супругой человека, она должна побывать супругой бога³⁰. У каждой женщины теперь *два мужа*: один божественный, другой смертный. Божественный — первый и «единократный», смертный — второй и пожизненный. Вот почему Парис имеет право судить богинь, Зевс и Посейдон — вступать в браки с земными женщинами, которые тут же передаются их смертным мужьям (Зевс-Тиндарей и Леда, Зевс-Амфитрион и Алкмена, Посейдон-Эгей и Эфра и др.), а Хамыц — выступать божественным супругом нартовских невест. (Особенно нагляден случай с невестой Сайнаг-алдара, к которой Хамыц проник под видом шафера — бога Уастырджи, в его белой бурке [Нарты 1957: 135–137]). Парис и Хамыц — бывшие боги, но новая водная природа их не закрепились в мифах: они остались *горными и солнечными*: красавец

³⁰ К такому заключению близок тезис В.С. Газдановой, изучавшей мифологические и ритуальные смыслы осетинской свадьбы [Газданова 2007: 333, 330]: «Прежде став супругой человека, невеста становилась супругой громовержца»; «У осетин каждый ребенок... является... плодом непорочного зачатия невесты от божества Неба». На это можно возразить, что зародить жизни может только божество Низа — Вод, Небо смертно и само нуждается в возрождении; однако здесь нет места для детальных комментариев.

Парис пасет стада на горе Ида, Хамыц — рыжеволосый и рыжебородый, в веснушках [Нарты 1957: 91, 137, 162], обладатель чудесной коровы [Сказания 1978: 276 сл.]³¹, скачущий на белом коне [Нарты 2, 1989: 301]; оба имеют отношение к *загробному суду*, сменившему в патриархальном ритуале прежний *водный ритуал смерти/брака*.

21. У греков этот важнейший ритуал, оформившийся ко времени его записи в 7 в. до н.э. в грандиозный эпос «Илиады», явно циркулировал уже в микенском мире и был создан задолго до того, вероятно, еще в III тыс. до н.э. — судя по окончательному оформлению «патриархальных идей» в Шумере и Египте того времени и по чрезвычайной разветвленности дошедших мифологических интерпретаций. В нартовском кругу все происходило ненамного позднее, хотя долгое бытование эпоса привело к размыванию некоторых форм. «Безнадежный анахронизм» нартовского эпоса [Дюмезиль 1974: 9] — лишь видимость: очевиден глубокий параллелизм целого ряда греко-нартовских мифоритуальных схем, и, не исключено, есть возможность восстановления его мифической формы и даже пантеона. Здесь отсутствует греческая систематизация и структурная компоновка материала, благодаря чему отчетливее прослеживаются некоторые сюжетные линии. Но все вычлененные звенья и смысловые сюжетные узлы равным образом тяготеют к фундаментальной идее *циклического сотворения мира* и жизни человеческого космоса. Сквозь эпические и даже сказочные формы отчетливо видны важнейшие для человеческого социума ритуалы и мифы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ael. Var. hist. — Элиан. Пестрые рассказы.
Aesch. Prom. — Эсхил. Прометей прикованный.
Apoll. Rhod. — Аполлоний Родосский. Аргонавтика.
Apld. — Аполлодор. Мифологическая библиотека.
Apld. Epit — Аполлодор. Эпитома.
Arist. Ath. Pol. — Аристотель. Афинская полития.
Clem. Strom. — Климент Александрийский. Строматы.
Dares — Дарет Фригийский. История о разрушении Трои
Dion. Hal. — Дионисий Галикарнасский. Древности Рима.

---

³¹ Ср. коров греческих *солнечных богов*, Гелиоса на его священном острове Тринакрия, на которых покусились спутники Одиссея [Hom. Od. XII. 260-398], и Аполлона, две из которых были украдены новорожденным Гермесом, изобретшим лиру и выменявшим ее на Аполлоново стадо коров [Hymn. Hom. III. 68-86, 418-498].

Ductis — Диктис Критский. Дневник Троянской войны.
 Eurip. Iph. A. — Еврипид. Ифигения в Авлиде.
 Eurip. Andr. — Еврипид. Андромаха.
 Eurip. Bacch. — Еврипид. Вакханки.
 Eurip. Phoen. — Еврипид. Финикиянки.
 Eurip. Troad. — Еврипид. Троянки.
 Hdt. — Геродот. История в 10 книгах.
 Hellanik. Troika. — Гелланик Митиленский. Истории Трои и Персии.
 Hes. Theog. — Гесиод. Теогония.
 Hom. Il. — Гомер. Илиада.
 Hom. Od. — Гомер. Одиссея.
 Hyg. Fab. — Гигин. Мифы.
 Ovid. Met. — Овидий. Метаморфозы.
 Paus. — Павсаний. Описание Эллады.
 Phot. Bibl. — Фотий. Библиотека.
 Pind. Isthm. — Пиндар. Истмийские оды.
 Pind. Nem. — Пиндар. Немейские оды.
 Pind. Pyth. — Пиндар. Пифийские оды.
 Plut. Quaest. conv. — Плутарх. Застольные беседы.
 Serv. Aen. — Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия.
 Schol. Lyk. — Схолия к «Александре» Ликофрона.
 Tzetz. Lyk. — Цец. Схолия к «Александре» Ликофрона.

АБАЕВ 1990 — Абаев В.И. Троянский конь. Кавказские параллели // Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Под ред. В.М. Гусалова. Владикавказ, Ир, 1990. С. 326–368.

АБАЕВА 2013 — Абаева Ф.О. Обрядовый свадебный текст осетин (лексика, семантика, символика). (Первая монография). Владикавказ, ИПЦ СОИГСИ, ВНЦ РАН ИРСОА, 2013.

АГУЕВ 1986 — Агуев С.А. Свадьба и свадебные обряды ахвахцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX веков. Сборник статей. Сост. Б.М. Алимова. Махачкала, 1986. С. 12–28.

АКИМОВА 1996 — Троянский мир в античной мифоритуальной традиции // Акимова Л.И., Толстикова В.П., Трейстер М.Ю. Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина, 1996–1997. Москва; Милан, Leonardo Arte, 1996. С. 241–280.

АКИМОВА 1999 — Акимова Л.И. «Встреча взглядов» на аттических надгробиях. К интерпретации Таманской стелы с воинами // Таманский рельеф. Древнегреческая стела с изображением двух воинов из Северного Причерноморья. Под ред. Е.А. Савостиной и Э. Зимон. М., ИНДРИК, 1999. С. 177–204.

АКИМОВА 2014 — Акимова Л.И. Искусство Кипра и его проблематика // Акимова Л.И., Калинин Д.А., Самар О.Ю., Смоленкова В.В. Искусство древнего Кипра в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина. Т. 1. / Под ред. Л.И. Акимовой. М., ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2014. С. 11–73.

АКИМОВА, КИФИШИН 2000 — Акимова Л.И., Кифишин А.Г. Аполлон и сирены. О ритуальной специфике Дельф // Жертвоприношение. Ритуал в искусстве и культуре от древности до наших дней. Под ред. Л.И. Акимовой, А.Г. Кифишина. М., Языки русской культуры, 2000. С. 199–212.

АЛИЕВА 1986 — Алиева Б.М. Брак и свадебные обряды у табасаранцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX – начале XX веков. Сборник статей. Сост. Б.М. Алимова. Махачкала, 1986. С. 29–46.

АНДРЕЕВА 1979 — Андреева М.В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах // Советская археология, 1979. № 1. С. 22–34.

ГАДЖИЕВА 1986 — Свадебные обычаи и обряды терекменцев-азербайджанцев // Брак и свадебные обычаи у народов Дагестана в XIX-начале XX веков. Сборник статей. Сост. Б.М. Алимова. Махачкала, 1986. С. 47–60.

ГАЗДАНОВА 2007 — Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре осетин. Владикавказ, РИО СОИГСИ, 2007.

ГРЕЙВС 1992 — Грейвс Р. Мифы древней Греции. Пер. с англ. под ред. и с послесловием А.А. Тахо-Годи. М., Прогресс, 1992.

ДЮМЕЗИЛЬ 1976 — Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Пер. с фр. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). М., Наука, 1976.

КИФИШИН 2012 — Кифишин А.Г. Странствие в подземном мире страждущего бога. К реконструкции шумеро-греко-египетского прамифоритуала // Сфинкс, или Мифология бытия. Памяти Е.В. Мавлеева. Под ред. Л.И. Акимовой и А.Г. Кифишина. ERMENEIA 3. М., Полет Джонатана, 2012. С. 93–152.

МИЛЛЕР 1881–1887 — Миллер В. Осетинские этюды Ч. 1–3. М., 1881, 1882, 1887.

НАРТЫ АГЭ, 1974 — Нарты. Адыгский героический эпос. М., 1974.

НАРТЫ 2, 1989 — Нарты. Осетинский героический эпос. Тексты. Перевод. Комментарии. Составители Т.А. Хамицаева и А.Х. Бязыров. В 3 книгах. (Эпос народов СССР). М., Главная редакция восточной литературы. 1989. Кн. 2. Кн. 3. М., 1991.

НАРТЫ 1957 — Нарты. Эпос осетинского народа. Издание подготовили: В.И. Абаев, Н.Г. Джусоев, Р.А. Ивнев и Б.А. Калоев. (Литературные памятники). М., 1957.

НКЭ 1957 — Нарты. Кабардинский эпос. М., ГИХЛ, 1957.

НС.ОНЭ 1949 — Нартские сказания. Осетинский народный эпос / Перевод В. Дыник; под ред. Н. Тихонова, В. Козина, В. Бритаева, предисловие С. Битиева. М., 1949.

ОНС 1949 — Осетинские нартские сказания. Перевод в литературной обработке Ю. Либединского. М., Советский писатель, 1949.

ОНС 2010 — Осетинские нартские сказания. Переиздание книги 1948 г. М., Владикавказ, Менеджер, 2010.

Памятники 1925 — Памятники народного творчества осетин. Нартовские народные сказания. Вып. 1. Владикавказ, Осетинский НИИ краеведения, 1925.

Памятники 1927 — Памятники народного творчества осетин. Вып. 2. Дигорское народное творчество в записи Михаила Гарданти. Предисловие, перевод на русский язык и примечания Гр. А. Дзагурова. Владикавказ, Осетинский НИИ краеведения, 1927.

Памятники 1928 — Памятники народного творчества осетин. Вып. 3 / В записи Цоцко Амбалова. Предисловие, перевод на русский язык и примечания Г.Г. Бекоева. Владикавказ, Осетинский НИИ краеведения, 1928.

ППКОО 1981 — Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Научно-популярный сборник. Составление, предисловие, комментарии проф. Л.А. Чибирова. Т. 1. Цхинвали, Ирыстон, 1981.

Сказания 1978 — Сказания о нартах. Осетинский эпос. Издание переработанное, дополненное. Перев. с осетинского Ю. Либединского. М., Советская Россия, 1978.

Сказки 1959 — Осетинские народные сказки. Сост. С. Бритаев и Г. Калоев. М., ГИХЛ, 1959.

Сказки 1971 — Осетинские народные сказки. Сост. А.Х. Бязыров. Цхинвали, Ирыстон, 1971.

ТЕРЕЩЕНКО 1999 — Терещенко А.В. Быт русского народа. Часть VI и VII. Переиздание. М., Русская книга, 1999.

ТОПОРОВ 1987 — Топоров В.Н. Животные // Мифы народов мира. Энциклопедия. Под ред. С.А. Токарева. Т. 1. М., Советская энциклопедия, 1987. С. 440–449.

ФАРМАКОВСКИЙ 1914 — Фармаковский Б.В. Архаический период в России (Материалы по археологии России. № 34). Пг., 1914. С. 50–76.

FRANKFORT 1939 — Frankfort H. Cylinder Seals. A Documentary Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East. London, 1939.

FURTWÄNGLER, REICHHOLD 1904 — Furtwängler A., Reichhold K. Griechische Vasenmalerei. Auswahl hervorragender Vasenbilder. Lief. I. München, 1904.

LIMC I–VIII, 1981–1996 — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Vol. I–VIII. Zürich, München, 1981–1996.

RE — Paulys Realencyclopädie des classischen Altertumswissenschaft. Hrs. von G. Wissowa, P. Kroll. Stuttgart, 1894 f.

TRENDALL 1989 — Trendall A.D. Red Figure Vases of South Italy and Sicily. (World of Art). London, Thames and Hudson, 1989.